

ПОСЛЕДНИЙ РЕСУРС

ВЛАД ВЕЛИРСКИЙ

Влад Велирский

Последний ресурс

«Автор»

2026

Велирский В.

Последний ресурс / В. Велирский — «Автор», 2026

В девяти климатических округах дождь, холод и право на переселение получают победители публичного Тура распределения. Восемнадцатилетняя диспетчерка Тая Ренн едет туда ради Сухого Плато: без нового дождевого лимита её семья и тысячи соседей потеряют дома. Но за красивой таблицей результатов скрывается Дельта — исключённый из соревнования регион, чьи насосы и жители оплачивают чужую устойчивость. Каждый выигрыш Таи делает цену всё заметнее, а отказаться от него значит поставить под удар собственный округ. Вместе с соперниками, у каждого из которых есть реальные обязательства перед своими людьми, Тая пытается заменить единственного победителя связкой проверяемых решений. Чтобы Сеть русел пережила следующий сезон, участникам придётся назвать не только получателей ресурсов, но и тех, кто несёт последствия. Однако выдержит ли общая система право сказать «нет», когда на согласование остаются часы, а авария уже началась?

© Велирский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Башня номер шесть	6
Глава 2. Кандидат прямого эфира	13
Девять столов	19
Холод для чужого сада	26
Люди за серой границей	30
Глава 6. Куратор дефицита	36
Задача без проигравшего	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Влад Велирский

Последний ресурс

От автора

Слово «последний» кажется честным. Последняя порция воды, последнее место в прохладном убежище, последний участок плодородной земли — будто сама природа провела черту, а людям осталось лишь увидеть её и подчиниться. Но у любой очереди есть тот, кто определил её начало, порядок и конец. У любой таблицы есть строки, которые в неё не вошли.

Эта история начинается в мире настоящего дефицита. Здесь нельзя произнести правильную речь и вызвать дождь, нельзя разоблачить злодея и обнаружить за его дверью бесконечный склад. Вода, холод, безопасная почва и пространство для переселения ограничены. Если один город получает больше, где-то меняется течение, температура или срок ожидания. Герои не могут отменить эту связь. Они могут лишь сделать её видимой — и решить, достаточно ли видимости, чтобы выбор стал справедливым.

Тур распределения придуман как альтернатива войне. Он превращает сложные решения в понятное соревнование, даёт каждому округу представителя и обещает, что правила одинаковы. Миллионы зрителей видят цифры, задания, победы и поражения. Прозрачность кажется полной, потому что камеры не выключаются. Но камера показывает только то пространство, которому дали имя.

Тая Ренн входит в Тур не ради славы и не ради права говорить от лица всех обделённых. Ей нужна вода для конкретных людей, среди которых её семья. Это простая и веская причина согласиться на правила, которые она считает неправильными. Чем ближе обещанный дождь, тем труднее ей будет отличить вынужденное участие от соучастия, а отказ от победы — от красивого жеста, цену которого заплатят другие.

В этой книге нет решения, при котором всем достанется поровну и никто не потеряет. Равная доля может быть несправедливой там, где потребности различаются; право отказа может стать оружием там, где от одной трубы зависят несколько городов; открытые данные могут усилить сильного, если только он способен действовать быстрее остальных. Поэтому главный вопрос истории не в том, кто заслужил ресурс. Он в том, кто получил право назвать кого-то последним.

Читайте цифры здесь как поступки. Каждое округление кого-то прячет, каждый лимит защищает и ограничивает, каждая победа связывает людей, даже если экран рисует между ними границу. И если в конце останется не уверенность в идеальной системе, а привычка искать отсутствующую строку, значит, путешествие по Сети русел было не напрасным.

Глава 1. Башня номер шесть

Сухой шквал пришёл на сорок минут раньше прогноза.

Тая поняла это не по небу. Небо над Плато почти всегда было одинаковым — выцветшим, тугим, без глубины. Сначала дрогнула синяя нить на шестом пульте. Расход охлаждения поднялся на две десятых, хотя верхние кольца башни ещё держали ночную температуру. Потом в стене диспетчерской коротко звякнул крепёж. Так звенел только песок с восточного карниза: мелкий, быстрый, заряженный от сухого воздуха.

— Мирон, закрой внешний контур, — сказала Тая.

Седой сменный инженер не поднял головы от кружки.

— По графику продувка через двенадцать минут.

— Через двенадцать у нас лопасти будут молотить камень.

Она вывела на общий экран профиль давления. Почти ровная линия казалась спокойной, если смотреть на крупные деления. Тая раздвинула шкалу пальцами. Между датчиками восточного ребра шла мелкая дрожь — восемь всплесков за минуту, потом одиннадцать.

Мирон поставил кружку.

— Восточный датчик вчера врал.

— Вчера он завышал температуру. Давление у него сходилось с четвёртым.

— Центральная даст штраф за раннее закрытие.

— Если дождёмся их разрешения, штраф выставит ремонтная бригада.

За прозрачной перегородкой два техника уже смотрели на Таю. В дневную смену решения принимал Мирон, и оба это знали. Тая знала тоже. Ей было восемнадцать, удостоверение диспетчера она получила пять месяцев назад, а башня номер шесть была старше её матери. Но шквал не интересовался старшинством.

На пульте загорелась первая янтарная точка.

— Закрываю восточный контур, — сказала она и приложила ладонь к рамке подтверждения.

Мирон успел выругаться до того, как тяжёлые жалюзи на верхних ярусах начали сходиться. Башня ответила низким гулом. Воздух, который минуту назад свободно проходил сквозь конденсационные соты, упёрся в заслонки, и давление на нижнем кольце прыгнуло сразу на семь единиц.

— Слишком быстро! — Мирон оттолкнул её руку от панели. — Разгружай низ.

— Если открою низ, песок войдёт в каплеуловитель.

— Если не откроешь, сорвёт третью ферму.

Тая увидела на схеме то, чего не было в регламенте. Закрытые восточные жалюзи направили поток по спирали, но западная сторона оставалась открытой. Шквал ещё не накрыл башню целиком; он бил в неё краем. Через минуту направление сравняется, а сейчас конструкцию скручивало, как мокрую ткань.

Она раскрыла связь с верхним постом.

— Лем, ты меня слышишь?

В ответ хрустнуло, потом прозвучал голос старшего техника:

— Слышу. Здесь уже песчаная стена. Спускаемся.

— Нет. Дойдите до западного привода и поставьте его на ручное сопровождение.

Мирон резко повернулся к ней.

— Людей наверху не оставим.

— Им до внутренней лестницы две минуты. Ферма столько не выдержит.

— Тая.

Она не ответила. На схеме погас один из датчиков верхнего кольца. Не красный — просто серый, будто этого места больше не существовало.

— Лем, сколько вас?

— Двое. Я и Дара.

— Страховка на внутренней рельсе?

— Да.

— Откройте западный привод на четырнадцать градусов. Не больше. После команды уходите внутрь, даже если привод заклинит.

Лем помолчал.

— Принято.

Мирон потянулся к аварийному ключу, который мог снять Таю с управления. Она накрыла его ладонь своей.

— Если разомкнёшь смену сейчас, автоматика вернёт заслонки к графику.

— Ты послала двоих под шквал.

— Я дала им две минуты и внутреннюю рельсу. Автоматика даст башне тридцать секунд.

Их разделяла рамка подтверждения, тёплая от её ладони. Мирон посмотрел не на неё, а на экран. Давление росло. Ещё три единицы — и предупреждение сменится аварийным сбросом. Сброс спас бы ферму, выпустив собранную за ночь влагу обратно в воздух. Восемьсот кубов. Для Центральной палаты — погрешность суточного баланса. Для их жилого сектора — два дня питьевого лимита.

Мирон убрал руку.

— Четырнадцать — мало.

— На шестнадцати сорвёт уплотнение.

— Тогда двенадцать сейчас, ещё два после разворота ветра.

Тая кивнула и передала поправку Лему.

Шквал ударил по башне так, что прозрачная перегородка побелела от песка. Свет за ней исчез. Диспетчерская осталась внутри собственного отражения: лица, пульта, синие нити русел на экране. Гул сделался осязаемым. Он шёл через пол в колени и выше, к зубам.

— Западный привод на двенадцати, — донёсся голос Лема. — Дара уходит. Я фиксирую стопор.

— Не фиксируй, — сказала Тая. — Только сопровождение.

— Его бьёт обратно.

— Тогда бросай.

— Ещё пять секунд.

На экране синяя нить дрогнула и выровнялась. Давление на нижнем кольце упало на две единицы.

— Лем, уходи.

Связь захрустела.

— Лем?

Серым стал второй датчик. Потом третий.

Тая представила верхний ярус: узкий мостик, рой песка, страховочный карабин, который надо отщёлкнуть у внутренней двери. Представила слишком ясно и заставила себя смотреть только на числа.

Ветер разворачивался. Восточное давление падало, южное росло. Если открыть запад ещё на два градуса сейчас, поток пройдёт сквозь башню вместо того, чтобы давить на её бок. Но приказ уйдёт на мёртвый пост. Автоматический привод не отвечал.

— Южный контур на треть, — сказала Тая.

— Потеряем сбор, — предупредил Мирон.

— Зато разгрузим ферму без верхнего привода.

- И размажем песок по сотам.
- До сот он не дойдёт. Влажность внизу выше.
- На сколько?

Она посмотрела на цифру. Четыре процента. Мало. Но ночной сбор ещё лежал в нижнем резервуаре; если пустить часть воды по промывочным каналам, воздух у входа станет тяжелее, песок слипнется и осядет до каплеуловителей. Они спасут башню, потратив то, что башня добыла.

- Промывка нижнего кольца, двести кубов.
- Один из техников за перегородкой невольно шагнул к двери.
- Мирон сказал тихо:
- Это четверть сменного сбора.
 - Иначе потеряем весь.
 - Центральная не признает расход технологическим. Мы уже закрылись без допуска.
 - Пусть приезжают и считают песчинки.

Тая открыла промывку.

Синяя нить на экране распухла. Двести кубов ушли из накопителя в кольцевые каналы, распались на веер холодной пыли. Датчики мутности взлетели, давление замерло, затем начало падать. Не быстро — по единице, по половине, — но башню перестало скручивать.

Через семь минут гул ушёл из пола. Ещё через три песок за перегородкой поредел, и показались размытые полосы дневного света.

На связь вышла Дара.

- Мы внутри. Лем разбил бровь о дверь. Ругается, значит, жить будет.
- Тая только теперь заметила, что держится обеими руками за край пульта.
- Медпункт открыт?
 - Если не закрыли за долги.

Мирон протянул ей свою кружку. Чай давно остыл, на поверхности плавала красная пыль. Тая сделала глоток и сразу поставила кружку обратно.

- Отвратительно.
- Это мой лучший запас.

Он произнёс это без улыбки, но напряжение в диспетчерской ослабло. Техники за перегородкой вернулись к своим местам. На центральной схеме башня номер шесть снова была целой: все контуры, кроме трёх верхних датчиков, горели синим.

Затем поверх схемы открылось служебное окно Центральной палаты.

НЕСОГЛАСОВАННОЕ ИЗМЕНЕНИЕ РЕЖИМА.

Ниже одна за другой появились строки: раннее закрытие восточного контура; ручное вмешательство в привод; расход резервной воды; нарушение графика сбора. Система ещё не знала, что башня уцелела. Зато уже знала цену неповиновения.

- Вот и счёт, — сказал Мирон.
- Тая раскрыла форму объяснения и прикрепила профиль давления.
- Пусть сравнят со стоимостью новой фермы.
 - Сравнят. Только в разных таблицах.

Он показал на правый край окна. Там стоял индекс эффективности округа. После расхода на промывку он опустился на три сотых. Три сотых не меняли погоду и не возвращали воду в резервуар, но могли решить место Плато в очереди на следующий ремонт.

Тая увеличила журнал и добавила данные с восточного датчика. Если Палата попытается назвать её решение ошибкой, у неё останется последовательность чисел. Не мнение — время, давление, угол приводов, расход.

- Сохрани копию локально, — сказал Мирон.
- Журнал и так хранится.

— Центрально. Я сказал — локально.

Она взглянула на него. Мирон уже поднимал кружку и делал вид, будто ничего особенного не посоветовал.

Тая выгрузила журнал на сменный накопитель.

Дверь диспетчерской распахнулась раньше, чем успел закончиться перенос. Вошла начальница узла Яра Сенн — в песчаном плаще, застёгнутом не на те петли, с защитными очками на лбу. Следом протиснулся незнакомый мужчина в светлом костюме Центральной палаты. На его одежде не было ни пыли, ни влажных пятен. Наверное, переждал шквал в герметичном вагоне.

— Кто закрыл контур? — спросила Яра.

Мирон ответил сразу:

— Я.

— Я, — одновременно сказала Тая.

Яра перевела взгляд с одного на другую.

— Прекрасно. Башней впервые управляет хор.

Мужчина из Палаты подошёл к пульта, не представившись. Он просмотрел предупреждения, задержался на строке расхода.

— Двести кубов, — произнёс он. — При допустимых двадцати.

— Допустимые двадцать рассчитаны для пылевого фронта второй категории, — сказала Тая. — Это был сухой шквал. Давление на восточном ребре —

— Я вижу давление. Меня интересует вода.

— Без промывки вы бы интересовались обломками.

Яра едва заметно качнула головой: не спорь. Тая замолчала, но мужчина уже посмотрел на её именную пластину.

— Ренн. Молодёжный допуск.

— Диспетчерский допуск, — поправила она.

— Ограниченный по сроку.

— Не по решениям.

Мирон кашлянул в кружку.

Мужчина закрыл окно аварийного журнала и вывел другой документ. Вверху стояла печать Совета Плато. Яра сняла очки со лба, хотя читать могла и через них.

— Пришло утром, — сказала она. — Я хотела объявить после смены.

Документ назывался «Корректировка жилой ёмкости на следующий сухой цикл». Тая прочитала первую строку, затем вторую. Слова были знакомыми, почти безобидными: безопасная плотность, гарантированный минимум, приоритетная эвакуация. Цифры делали их точнее.

Сухое Плато должно было освободить семь тысяч четыреста жилых мест до начала следующего сезона.

— Это ошибка, — сказала Тая.

— Нет, — ответила Яра.

— У нас не было красного уровня по питьевой воде.

— Теперь красный считают не по остатку. По гарантированному притоку.

— Шестая и восьмая башни дают гарантию.

Мужчина из Палаты повернул к ней экран с предупреждениями.

— Шестая только что потратила четверть сменного сбора на самосохранение. Восьмая работает на семидесяти одном проценте. Ваш округ удерживает население за счёт резерва, которого больше нет.

— Резерв не исчез. Его перераспределили после прошлогоднего Тура.

— Значит, вам известно решение.

Тая знала его. Северная Кромка получила охлаждение, Прибрежный Пояс — почвенное восстановление, а дождевой лимит ушёл Зелёным Террасам. Ведущий тогда назвал это сезоном заслуженного роста. На Плато смотрели трансляцию в столовой ремонтного узла, пока в кранах по очереди кашлял воздух.

Она нашла в документе приложение со списком переселения. Первая очередь: дети до шестнадцати, люди с хроническими заболеваниями, семьи работников закрываемых узлов.

Её брату Нэю было четырнадцать.

— Куда? — спросила Тая.

Яра медленно провела пальцем по оправе очков.

— Коридоры назначат после подсчёта свободной ёмкости.

— То есть мест ещё нет.

— Есть квоты ожидания.

— Квота ожидания — это не комната.

— Я знаю.

Мужчина из Палаты наконец представился:

— Орс Теван, окружной координатор Тура. И квота ожидания станет местом, когда один из принимающих округов выиграет миграционное расширение.

— А если не выиграет?

— Совет рассмотрит временное размещение.

— Где?

— Это не относится к работе башни.

Тая шагнула между ним и пультом.

— Вы пришли сюда сразу после шквала с документом о выселении семи тысяч человек. Значит, относится.

Теван не повысил голоса.

— Я пришёл сообщить, что Совет Плато исчерпал обычные способы сохранить жилую ёмкость. Остался Тур. Победа в водном зачёте даст округу гарантированный дождевой цикл и основание отменить сокращение.

Мирон поставил кружку так резко, что чай выплеснулся на стол.

— Плато три года не проходило выше шестого места.

— Поэтому в этом году изменится состав кандидатов.

Яра закрыла документ, но он тут же открылся снова. Центральные окна нельзя было убрать с местного пульта, пока отправитель не завершит показ.

— У нас есть Кай Рут, — сказала она. — Он двадцать лет считает водные балансы.

— Опыт господина Рута учтён. Однако Тур — не только инженерная процедура. Это публичное подтверждение права округа на ресурс.

— Право от камеры не появляется, — сказала Тая.

Теван посмотрел на локальный накопитель, всё ещё вставленный в разъём. На нём мигал огонёк завершённого копирования.

— Иногда камера позволяет его доказать.

Он коснулся панели, и рядом с приказом о сокращении возникло объявление: открытый отбор представителя Сухого Плато. Срок подачи — до полуночи. Первый этап — публичный разбор аварийной ситуации на одном из узлов.

В нижнем углу уже стоял кадр с наружной камеры шестой башни. Сквозь песчаную мглу проступал её силуэт, жалюзи сходились навстречу шквалу. Затем появилось лицо Таи — запись с внутренней системы, сделанная несколько минут назад. Она смотрела на числа и говорила: «Пусть приезжают и считают песчинки».

Фраза была вырезана из разговора. Не было ни двухсот кубов, ни людей на верхнем посту, ни предложения Мирона открыть контур в два приёма. Только башня, песок и её вызов невидимой Центральной палате.

— Вы уже выбрали аварию, — сказала Тая.

— Зрителям нужен понятный пример.

— Вы уже выбрали меня.

— Кандидатов выберут жители округа.

На экране под записьюросло число просмотров. Кто-то из техников отправил наружный поток ещё во время шквала. Или сама Палата забрала его из служебной системы. У Таи не было способа отличить одно от другого.

Яра выключила звук.

— Удали её из отбора, — сказала она Тевану. — Девчонка только получила допуск.

— Мне восемнадцать, — сказала Тая.

— Поэтому не помогай им считать тебя взрослой лишь там, где нужна ответственность, и ребёнком там, где требуется право голоса.

Тая снова посмотрела на список переселения. Имён в приложении не было, только категории и числа. Нэй помещался в одну строку вместе с тысячами детей, которых предлагалось сначала вывезти, а потом найти для них место.

Она могла подать заявку. Тогда ей пришлось бы говорить перед камерами, терпеть монтаж, доказывать право Плато на дождь так, будто вода принадлежала тому, кто убедительнее выступил. Она могла отказаться и оставить Тур Каю Руту — человеку опытному, честному и совершенно незаметному для зрительского отбора, который Палата уже встроила в процедуру.

— Если мы победим в водном зачёте, приказ отменяют? — спросила она.

— Совет получит основание пересмотреть его, — ответил Теван.

— Не то. Отменяют?

Координатор выдержал паузу.

— Да. При гарантированном дождевом цикле сокращение жилой квоты потеряет силу.

— Запишите это в условиях отбора.

— Решения Совета не входят в полномочия оргкомитета.

— Тогда вы принесли не шанс, а рекламу шанса.

Мирон тихо сказал:

— Тая, не торгуйся с экраном.

Но она торговалась не с экраном. Перед ней стоял человек, который приехал в чистом костюме до конца шквала и уже успел превратить их аварию в ролик.

— Письменная гарантия, — сказала Тая. — Иначе Кай Рут разберёт аварию лучше меня.

Теван впервые улыбнулся. Не широко и не насмешливо — так улыбаются, когда расчёт подтверждается.

— Я передам условие Совету.

— Передайте числа тоже. Все. Давление, расход, отказ датчиков.

— Зрительскому отбору потребуется короткая версия.

— Короткая версия уже чуть не разрушила башню. Центральный график не видел края шквала.

Она вынула накопитель и зажала его в ладони.

— Я подам заявку только с полным журналом.

Яра произнесла её имя предупреждающе. Мирон молчал. За перегородкой техники снова остановились, не делая вида, что заняты. Тая почувствовала их взгляды и поняла: ролик уже сделал то, для чего был смонтирован. Превратил частное решение в представление, а её — в человека, которому теперь придётся либо сыграть предложенную роль, либо объяснить, почему она отказалась от единственного обещанного пути к дождю.

Теван убрал со стола приказ о сокращении. На экране осталась схема Сети русел. Девять округов светились разными цветами, Плато — тускло-жёлтым. За его границей карта обрывалась ровной серой полосой, будто дальше не было ни земли, ни людей, ни труб.

— Полный журнал допустят на техническом этапе, — сказал он. — Если вы до него дойдёте.

Он вышел вместе с Ярой. Дверь закрылась, и в диспетчерской снова стало слышно, как песок шуршит в наружных желобах.

Мирон забрал у Таи кружку.

— Ты понимаешь, что письменной гарантии они не дадут до заявки?

— Понимаю.

— А заявку придётся подать до полуночи.

— Тоже понимаю.

Он кивнул на накопитель в её руке.

— Тогда начни с того, чего нет в ролике.

Тая открыла чистую форму кандидата. Первое поле просило имя. Второе — округ. Третье называлось «Почему именно вы достойны получить ресурс?»

Она стёрла слово «достойна» из своего ответа трижды. Потом написала:

«Башня номер шесть уцелела не потому, что один диспетчер победил шквал. Её удержали два техника наверху, сменный инженер внизу и двести кубов воды, которые теперь нельзя выдать жилому сектору. Я подаю заявку, чтобы в Туре считали полную цену решения».

До полуночи оставалось девять часов. До эвакуационного сезона — сто три дня.

На серой полосе за границей карты мигнула крошечная точка расхода и сразу исчезла.

Глава 2. Кандидат прямого эфира

К полудню следующего дня башня номер шесть стала самым известным сооружением Сухого Плато.

Её показывали на стенах столовых, в очередях к водным колонкам и на потолочном экране медпункта, где Лему заклеивали бровь. В короткой записи заслонки сходились навстречу песчаной стене, Тая говорила про песчинки, а потом диктор сообщал, что молодой диспетчер спасла суточный запас округа.

Суточный запас они не спасли. Из восьмисот кубов ночного сбора двести ушли на промывку, сорок семь пришлось слить из забитого отстойника. Но цифры исчезли из ролика вместе с Мироном, Лемом и Дарой.

— Получилась хорошая история, — сказал Нэй.

Он сидел на кухонном столе, потому что единственный стул занимала мать. Подростковые ноги уже не помещались между перекладинами, и он раскачивал ими, задевая пятками пустую канистру.

— Получилась короткая история, — ответила Тая.

— Хорошая обычно короткая.

— А правдивая?

— Правдивая обычно не загружается.

Мать поставила перед Таей чашку. На дне было ровно два пальца воды с мятным порошком — семейная роскошь после ночной смены. Сама она не пила.

— Ты подала заявку, — сказала она.

Не вопрос. Уведомление об отборе пришло всем зарегистрированным жителям Плато вместе с изображением Таи.

— Пока только заявку.

— А если выберут?

Нэй перестал качать ногами.

Тая положила на стол копию приказа о жилой ёмкости. Она хотела сначала объяснить, но мать уже нашла нужную строку. Её палец остановился на первой категории переселения.

— Детей отправят с семьями? — спросила она.

— В приложении этого нет.

— Значит, нет.

— Это ещё не список имён.

— Имя появляется в конце. Решение принимают раньше.

Мать работала в архиве Совета и знала язык документов лучше Таи. Она сложила экран пополам, хотя изображение продолжало просвечивать сквозь гибкую пластину.

— В Тур идут на три месяца, — сказала она. — Башня останется без тебя.

— Башня жила до меня.

— Мы тоже.

Нэй спрыгнул со стола.

— Я не просил выигрывать мне комнату.

— Тебе и не должны давать комнату как приз.

— Тогда не говори так, будто я причина.

Он вышел, задев плечом занавесь. Пустая канистра покатилась по полу и остановилась у ноги Таи.

Мать расправила сложенный экран.

— Он злится не на тебя.

— Удобно.

— Нет. Было бы удобно, если бы можно было злиться на одного человека.

Тая допила воду. На стене снова включилась запись со шквалом. Она выключила экран до своей реплики.

— Кай Рут тоже подал заявку, — сказала она. — Выберут его.

Мать посмотрела на погасшую стену.

— Тогда зачем они показывают тебя?

Ответ пришёл через час.

Отбор проводили в старом резервуаре, который перестал держать воду после трещины в основании. Стены покрасили в синий, над сухим дном подвесили круг света, а по периметру расставили камеры. Зрителям не показывали трещину. С нужного ракурса зал казался частью действующей водной системы.

Кай Рут ждал у входа. Высокий, сутулый, с прозрачными накладками на суставах пальцев. Двадцать лет он составлял недельные балансы Плато и ещё десять учил молодых диспетчеров находить потери до того, как те появлялись в отчёте.

— Принесла журнал? — спросил он вместо приветствия.

Тая показала накопитель.

— Его обещали допустить на техническом этапе.

— Технический этап идёт после зрительского.

— Знаю.

— Значит, сначала нас оценят люди, которым журнал не покажут.

Кай поправил манжету. На его рукаве не было знака кандидата.

— Вам не дали номер?

— Дали. Я снял.

— Почему?

— Он был зелёный. Плато на карте жёлтое. Если они ошибаются в цвете округа, я не хочу знать, как считают испарение.

Тая улыбнулась впервые со вчерашнего шквала.

К ним подошла женщина с короткими серебристыми волосами и микрофоном, похожим на каплю воды. Она представилась Селой Марн, редактором открытого канала.

— У нас семь минут до включения. Правила простые: три кандидата, одна аварийная задача, ответы оценивают жители Плато и наблюдательная система Тура. Не используйте специальные термины без объяснения. Не обращайтесь напрямую к Совету. Не называйте переселение выселением.

— А чем его называть? — спросила Тая.

— Корректировкой жилой ёмкости.

— Это дольше.

— Зато не вызывает паники.

Кай тихо произнёс:

— У людей вызывает панику отсутствие комнаты, а не слово.

Села отметила что-то на браслете.

— Господин Рут, такие реплики оставьте для технического этапа.

— Если дойду.

Третьей кандидаткой была Рема Соль, координатор общественных убежищ. Она пришла с двумя помощниками и заранее записанным обращением жителей западного сектора. Тая знала её по заседаниям Совета: Рема умела назвать любую потерю общей жертвой так, что человеку становилось неловко требовать своё обратно.

— Не превращай нас в виноватых, — сказала Рема Тае, пока Села проверяла свет. — Людям нужен шанс поверить в победу.

— А если шанса нет?

— Тогда им тем более нужно поверить.

Свет погас, кроме центрального круга.

На полу появилась схема башни номер шесть. Не настоящая: контуры упростили до трёх колец, резервуар сделали ярко-синим, а сухой шквал изображили красной стрелой. Ведущий за камерой напомнил, что участники должны решить задачу за девяносто секунд.

— Перед вами авария, произошедшая вчера, — сказала Села уже другим голосом, мягким и быстрым. — Неожиданный шквал угрожает главной водной башне округа. Можно закрыть контуры и рискнуть конструкцией, открыть их и загрязнить систему или потратить часть драгоценного запаса на защиту. Что выберет человек, достойный представлять Плато?

Рема отвечала первой. Она говорила о смелости смены, о доверии к специалистам и о том, что ни одна капля не дороже человеческой жизни. Конкретного режима не назвала. Полоса зрительской поддержки поднялась до сорока двух процентов.

Кай вышел в круг света и попросил показать направление ветра, состояние приводов и влажность нижнего кольца.

— Все необходимые данные есть на схеме, — ответила Села.

— На схеме нет необходимых данных.

— Вы должны выбрать из трёх вариантов.

— Тогда любой выбор будет случайным.

Полоса поддержки сначала поднялась, затем замерла на тридцати одном проценте. В комментариях, бегущих по краю пола, появились слова «уходит от ответа» и «старые инженеры всегда усложняют».

Тая вошла в круг последней.

На схеме не было Лема и Дары. Не было отказавших датчиков. Не было восточного края шквала, из-за которого башню скручивало до разворота ветра. Зато синий резервуар занимал почти треть изображения и требовал, чтобы зритель защищал именно его.

— Здесь нельзя решить задачу, — сказала она.

За камерой кто-то вздохнул.

— Но вчера вы её решили, — подсказала Села.

— Вчера я видела давление по четырём рёбрам и знала, где находятся техники. На этой схеме людей нет. Поэтому любой вариант выглядит безопаснее, чем был.

Полоса поддержки опустилась до двадцати восьми.

— И всё же что вы выберете?

— Остановлю отсчёт и потребую сырые данные.

— В реальной аварии отсчёт не остановить.

— Зато можно перестать притворяться, что решение принимает один человек из трёх красивых кнопок.

Тая вынула накопитель.

Села едва заметно покачала головой. Технический этап ещё не начался. Полный журнал не был частью разрешённого эфира.

— Вчера мы закрыли восточный контур раньше графика, — продолжила Тая. — Лем и Дара вручную сопровождали западный привод. Мирон предложил открыть его в два приёма. Потом мы потратили двести кубов воды, чтобы осадить песок. Башня уцелела. Суточный запас — нет.

Синяя картинка под её ногами изменилась. Резервуар уменьшился на четверть. Кто-то в аппаратной всё-таки принял данные с накопителя.

Полоса поддержки подпрыгнула до тридцати пяти процентов.

— Вы признаёте перерасход? — спросила Села.

— Я признаю цену. Если округ хочет выбрать представителя, пусть выбирает человека вместе с его ценой, а не реплику из ролика.

На полу побежали новые комментарии. «Спасла и оправдывается». «Рут прав, данных мало». «Почему нам вчера сказали про суточный запас?» Последний вопрос размножался быстрее остальных.

Села повернулась к главной камере.

— Открытый канал благодарит кандидатов. Пока зрители голосуют, наблюдательная система оценит ясность, решительность и способность представлять интересы округа.

Свет выключился.

— Ты нарушила условия, — сказала Рема ещё до того, как камеры ушли в режим ожидания.

— Условия нарушили вчера, когда назвали двести потерянных кубов спасённым запасом.

— Теперь люди решат, что мы сами не умеем управлять башнями.

Кай застегнул манжету.

— Если люди способны решить это из одного журнала, им пора выдавать диспетчерские допуски.

Тая подошла к Селе.

— Кто вывел данные на схему?

— Автоматическая система распознала совместимый формат.

— Система сама решила нарушить ваш порядок?

— В прямом эфире многое происходит быстрее редакторских решений.

Ответ был гладким, но Села не смотрела ей в глаза. Значит, нажала сама или попросила техника.

— Спасибо, — сказала Тая.

— Не благодари. Теперь у меня двенадцать минут, чтобы объяснить Палате, почему служебный журнал попал зрителям.

— Скажите, что он совместимого формата.

Села коротко улыбнулась и снова стала серьёзной.

Результаты появились через пять минут. По голосам жителей Кай набрал сорок один процент, Тая — тридцать девять, Рема — двадцать. Тая выдохнула. Два процента отделяли её от возвращения на башню, к работе, которую она понимала.

Потом к зрительским голосам добавилась оценка наблюдательной системы.

У Кая снизили итог за «недостаточную адаптацию к публичному формату». Реме — за «отсутствие проверяемого решения». Тае система присвоила высший коэффициент вовлечения.

На общем экране её имя поднялось на первое место.

Кай посмотрел на цифры без удивления.

— Поздравляю.

— Вы набрали больше голосов.

— Тур выбирает не голосами. Он выбирает голосами плюс тем, что нужно получить.

— Можно оспорить.

— Можно. Тогда до срока регистрации останется меньше суток, и Плато отправят Рему как единственную неоспоренную кандидатку.

Рема услышала и отвернулась.

На экран вернулась Села.

— Представителем Сухого Плато становится Тая Ренн. Впервые округ доверяет участие диспетчеру молодёжной квалификации...

Тая перестала слушать. Внизу уже собиралась строка: «Девушка, победившая шквал, теперь победит засуху». Ей хотелось подойти к аппаратной и выдернуть кабель. Вместо этого она раскрыла правила регистрации.

Документ занимал сорок восемь страниц. Право представителя на информацию было описано на тридцать шестой: участник получает «необходимые для задания подтверждённые сведения в объёме, определяемом Центральной палатой».

Никаких сырых балансов.

Орс Теван ждал в боковом проходе, всё в том же светлом костюме.

— Совет дал письменное подтверждение, — сказал он и передал ей файл.

В нём действительно стояло: при получении Плато гарантированного дождевого цикла корректировка жилой ёмкости отменяется. Подписи, печати, срок действия. Тая прочитала каждую строку.

— Теперь ваша очередь, — сказал Теван.

— Нет. Осталось второе условие.

— Полный журнал допустили.

— Один журнал. Я требовала доступ к сырым балансам.

— На техническом этапе.

— Не только к тем, которые вы выберете для задачи.

Она показала пункт тридцать шесть.

— Здесь написано, что объём определяет Палата. Значит, вы можете дать мне итоговую цифру и назвать её данными.

— Итоговая цифра часто и есть данные, необходимые участнику.

— Вчера итоговая цифра говорила, что мы спасли запас. Полный журнал говорил, что потеряли четверть.

Теван посмотрел на Кая. Тот не уходил, хотя отбор для него закончился.

— Господин Рут, вы считаете требование разумным?

— Нет, — ответил Кай.

Тая повернулась к нему.

— Что?

— Сырые балансы без описания датчиков, поправок и исключённых строк бесполезны. Ей нужен доступ к методике учёта и журналу изменений.

Теван медленно выдохнул.

— Вы предлагаете выдать кандидату внутреннюю документацию Сети.

— Вы предлагаете кандидату отвечать за решения Сети.

В проходе зажёлся красный индикатор: до официального объявления оставалось три минуты. Если Тая не подпишет регистрацию, Села должна будет назвать её отказавшейся. Зрители увидят письменную гарантию Совета и девушку, которая всё равно бросила Плато.

Теван знал это. Тая видела по его спокойствию.

Она вспомнила Нэя: «Я не просил выигрывать мне комнату». Просьба ничего не меняла. Его возраст уже стоял в первой строке приказа.

— Добавьте приложение к договору, — сказала Тая. — Все балансы, используемые в заданиях и начислении ресурса: исходные показания, поправки, методика округления, журнал изменений и перечень исключённых категорий. С задержкой, если данные влияют на безопасность действующей сети. Но не после окончания Тура.

— Перечень категорий, — повторил Теван. — Не объектов и не поселений.

— Пока категорий.

— Доступ только в защищённом контуре Тура. Копирование запрещено.

— Я могу ссылаться на номер строки в эфире.

— После проверки, что ссылка не раскрывает защищённую инфраструктуру.

— Проверка должна оставлять отметку о задержке и причине.

Кай едва слышно сказал:

— Иначе строка просто не выйдет.

Теван взглянул на таймер. Оставалось две минуты.

— Согласен. Приложение подготовят к прибытию в Центральный узел. Сейчас подпишите протокол намерений.

— Впишите основные условия туда.

— Вы всегда торгуетесь во время отсчёта?

— Во время шквала получилось.

Он внёс четыре строки. Тая прочитала их дважды, попросила заменить «может предоставляться» на «предоставляется» и только после этого приложила ладонь.

Красный индикатор сменился белым.

Села вышла в круг света и назвала Таю представителем Сухого Плато. Стены сухого резервуара залил искусственный дождь — световые капли падали сверху и исчезали, не достигая пола. Зрители присылали знаки поддержки, и они вспыхивали вокруг её фигуры маленькими синими кругами.

Тая должна была сказать первую речь кандидата. На подсказчике уже появились слова: «Я не подведу округ, который научил меня беречь каждую каплю».

Она посмотрела в главную камеру.

— Вчера башня номер шесть потратила двести кубов, чтобы сохранить остальные, — сказала она. — Сегодня Плато выбрало меня, хотя больше жителей проголосовало за Кая Рута. Если я буду говорить только о победе, напоминайте мне об этих двух числах.

Подсказчик погас.

На краю площадки Села прикрыла рот ладонью — то ли пряча улыбку, то ли отдавая команду аппаратной. Теван не изменился в лице.

Кай первым поднял руку в знак поддержки. Потом Рема. Синие круги на стенах множись.

После эфира Нэй прислал одно сообщение: «Комнату не обещаю, но числа запомнил».

Тая перечитала его дважды. Затем открыла выданный ей защищённый экран. Приложение ещё не было готово, но Палата уже дала пробный доступ к сводному балансу Плато.

В таблице стояли дождевой долг, испарение, технические потери и резерв. Внизу серым шрифтом была строка «исключённые территории и нерегистрируемый расход». Значение скрывал знак допуска.

Тая коснулась строки.

Система ответила: КАТЕГОРИЯ ДОСТУПНА ПОСЛЕ РЕГИСТРАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОМ УЗЛЕ.

Вчера на карте за границей Плато мигнула одна точка. Сегодня у неё появилось имя — пока не для места, а для отсутствия.

Девять столов

Центральный узел стоял там, где ни один округ не мог назвать землю своей.

Из окна подъёмника Тая видела девять русел, сходящихся к круглому зданию. Одни были закрыты матовыми кожухами, другие тянулись открытыми желобами, третьи обозначались только рядами опор над белёсой равниной. По ним шли вода, охлаждённый воздух, питательная взвесь, электричество и данные. На обзорной схеме в кабине линии были окрашены в девять разных цветов. За стеклом все трубы имели одинаковый серый цвет.

Сопровождавший её Орс Теван всю дорогу отвечал на сообщения и ни разу не посмотрел наружу.

— Где граница округов? — спросила Тая.

— Ближайшая — в ста семидесяти километрах.

— Я не про карту. Здесь.

Теван поднял глаза.

— В Узле нет территориальной принадлежности. Поэтому здесь и проводят Тур.

Подъёмник миновал кольцо насосных залов. За стеклом промелькнули люди в серой рабочей одежде, затем кабели, запорные створы и огромный барабан накопителя. На каждом техническом щите были цветные метки округов. Тая насчитала пять на одном распределителе.

— Значит, принадлежности нет только у пола под нами, — сказала она.

Теван снова посмотрел в экран.

— Через восемь минут начнётся знакомство. Советую потратить их не на спор со зданием.

Ей выдали комнату на двадцать третьем уровне, форму участника и защищённый экран. Форма оказалась песочного цвета, хотя Сухое Плато в эфире обозначали медным. На воротнике уже закрепили маленькую башню — знак, выбранный редакторами вместо герба округа. Тая сняла его и положила на стол.

Приложение к договору ждало подтверждения. В нём были все четыре условия, о которых они договорились: исходные показания, поправки, методика округления и журнал изменений. Пятый пункт назывался «перечень исключённых категорий», но открывался пустым окном.

ДОСТУП АКТИВИРУЕТСЯ ПОСЛЕ ВВОДНОГО РАЗБОРА.

Тая коснулась отметки задержки. Система показала причину: **ЗАЩИТА ПОРЯДКА УЧЕБНОГО РАСКРЫТИЯ.**

Не безопасность Сети. Не действующая инфраструктура. Просто порядок.

Она сохранила номер строки и вышла.

Зал знакомства назывался Галереей округов. В центре стояли девять столов, каждый на отдельном круге света. Между кругами оставались тёмные полосы шириной в шаг. Столы отличались материалом: светлый камень Северной Кромки, тёмное стекло Прибрежных Куполов, прессованное волокно Лесного Пояса, красная керамика Сухого Плато. Даже сидя рядом, участники должны были выглядеть разделёнными.

Восемь человек уже были на местах.

Первым поднялся высокий парень у стола Северной Кромки. Он был старше Таи всего на несколько лет, но держался так, будто представлял не округ, а аварийную смену, которой некогда ждать церемоний.

— Ивен Сор, — сказал он. — Хранилища холода.

Он не добавил ни лозунга, ни пожелания удачи. На его руках остались светлые следы от теплоизоляционной пыли. Тая пожала протянутую руку.

— Тая Ренн. Конденсационные башни.

— Я видел журнал шестой. Западный привод надо менять.

— Совет считает, что его достаточно перенастроить.

— Совет не стоит под приводом.

Это было первое нормальное предложение, услышанное ею с приезда.

Соседка Ивена представилась Лиорой Венн из Зерновой Дуги. Невысокая, с короткими седыми прядями, она привезла на стол прозрачную капсулу с семенами и говорила так тихо, что остальные сами замолчали.

— Нашим хранилищам нужно охлаждение, — сказала Лиора. — Не для красивой статистики всхожести. Через два месяца начинается сев в трёх округах.

— В четырёх, — поправил мужчина за зелёным столом Лесного Пояса. — Если Палата снова не назовёт наши питомники резервными.

Его звали Харн Дей. Он улыбался после каждой резкой фразы, будто заранее предлагал считать её шуткой.

Представительница Прибрежных Куполов Мара Эль показала всем браслет с фотографией ребёнка и сообщила, что в её округе осталось одиннадцать дней до ограничения питьевого контура. Представитель Высоких Садов Тир Осен положил перед собой настоящий плод — маленький, сморщенный, пахнувший горечью. Роан Кес из Железного Берега назвал мощностность опреснителей вместо собственного занятия. Эда Мойр из Туманной Гряды сказала, что умеет собирать воду там, где приборы видят только воздух. Последним был Белл Ардо из Солнечных Полей: широкоплечий мужчина с выгоревшими бровями, отвечавший за зеркальные станции и тепловые накопители.

Восемь историй, восемь причин не уступать. Тая пыталась запомнить не лица, а зависимости. Зерновой Дуге нужен холод Северной Кромки. Куполам — энергия Полей для опреснения. Лесному Поясу — семенной материал Дуги. Плато получало часть ночной влаги от туманных сборщиков Гряды, хотя в окружных отчётах этот поток проходил как собственный конденсат башен.

На стенах тем временем появлялись эфирные подписи.

ИВЕН СОР — ХРАНИТЕЛЬ СЕВЕРНОГО ХОЛОДА.

МАРА ЭЛЬ — ГОЛОС ГОРОДОВ ПОД СТЕКЛОМ.

ТАЯ РЕНН — ДЕВУШКА, ПОБЕДИВШАЯ ШКВАЛ.

— А у вас там можно выключить прозвище? — спросила Тая у пустого воздуха.

— После согласования с редактором, — ответил голос Селы из потолочных динамиков.

— Но тогда оно останется только у зрителей.

На столе Таи загорелся значок связи.

— Вы здесь? — спросила она.

— В аппаратной. Если я войду в зал, знакомство станет интервью.

— Оно уже стало.

— Пока нет. Камеры пишат архив. Прямой эфир через четыре минуты.

Харн поднял голову к потолку.

— Можно мне не «Страж зелёной стены»? Я слежу за насосами питомников.

— Пришлите вариант до сигнала, — ответила Села.

— «Человек, которому опять недодали воду».

Несколько участников рассмеялись. Даже Мара убрала фотографию с браслета и улыбнулась. Тёмные полосы между столами на мгновение перестали работать.

Затем двери раскрылись, и в зал вошёл Эльмар Восс.

Тая узнала его раньше, чем на стене появилось имя. Невысокий, сухой, в простой тёмной куртке без знаков Палаты, он шёл вдоль технического кабельного канала, а не по освещённой дорожке. На запястье у него был старый инженерный допуск — металлическая пластина, каких Тая не видела с детства.

— Добро пожаловать в Центральный узел, — сказал Восс. — Здесь сходятся физические линии Сети и расходятся политические решения. Тур существует, чтобы второе не разрушило первое.

На стене вспыхнул обратный отсчёт. Когда он дошёл до нуля, свет над каждым столом стал ярче, а тёмные полосы между ними — глубже.

Восс представил участников по очереди. Их короткие рассказы обрезались до одной потребности: дождь, холод, вода, земля, энергия, место. Когда Лиора попыталась сказать, что её семена предназначены не только Зерновой Дуге, подпись на стене уже сменилась следующей.

— Первый день не влияет на рейтинг, — продолжил Восс. — Сегодня вы познакомитесь с устройством Тура и проведёте общий разбор учебного распределения.

Перед каждым участником поднялась прозрачная панель. На ней появилась карта девяти округов, а рядом — пять столбцов ресурсов. Тая сразу открыла слой исходных данных. Доступ сработал. Строки развернулись до датчиков, поправок и отметок времени.

— У вас двадцать минут, — сказал Восс. — Каждый округ получит одну задачу. Решение должно обеспечить наибольшую пользу своей территории при соблюдении общесетевых ограничений. После этого мы сравним результаты.

Тая прочитала задание Плато.

В течение трёх суток ожидается сухой фронт. Распределите доступный объём конденсата между питьевым резервом, жилым охлаждением и пылеподавлением. Цель: максимизировать устойчивость Сухого Плато.

Доступный объём был на восемнадцать процентов выше обычного ночного сбора. В источниках стояли башни Плато и межокружной приток. Тая раскрыла последнюю строку. Приток приходил от Туманной Гряды через восточный воздушный канал.

За соседним столом Эда Мойр нахмурилась.

— У меня пропала шестая часть сбора, — сказала она.

— Какого? — спросила Тая.

— Высотного. Задача требует заполнить туманные цистерны перед холодной ночью, но часть потока уже зарезервирована.

— Номер линии?

Эда назвала его. Тая нашла ту же линию в своём притоке.

— Это мой доступный объём.

Эда встала и подошла к краю своего светового круга. Там сработал напольный сигнал: **УЧАСТНИК ПОКИНУЛ ЗОНУ РЕШЕНИЯ**. Она отступила.

— Покажи, — сказала она.

Тая развернула панель в её сторону. Между столами картинка потускнела, но номер можно было прочитать.

— Значит, если я выполню задачу, — произнесла Тая, — ты не выполнишь свою.

— Нет. Если ты возьмёшь всё, мне придётся отключить два горных сборщика. Но у тебя в строке это называется межокружным притоком, будто он лежит в общей ёмкости.

— У вас разные задачи, — напомнил голос из динамика. Не Села; ровный служебный голос. — Обсуждение разрешено после фиксации индивидуальных решений.

— А поток у нас один, — ответила Эда.

Служебный голос не возразил.

Слева Ивен быстро перелистывал слои своей задачи. Лиора смотрела на него, не мигая.

— Что у вас? — спросила Тая.

— Дуга должна сохранить семенной фонд, — сказала Лиора. — Для этого мне предлагают купить восемьдесят единиц холода из общего лимита.

— А мне предлагают продать сто десять, чтобы набрать максимум устойчивости Кромки, — сказал Ивен. — Только после продажи температура в моём глубинном хранилище поднимется выше безопасной через шесть суток.

— Почему разница тридцать?

— Потери передачи.

Лиора раскрыла свой баланс.

— У меня потери двенадцать.

Ивен подошёл к самой границе круга и прищурился.

— Потому что остальные восемнадцать уже отнесены на стабилизацию канала. Тебе показывают только потери после входной створки.

На другом конце зала Белл Ардо постучал костяшками по столу.

— У кого задача на опреснение?

Мара подняла руку.

— Мне дают энергию Полей по гарантированному тарифу.

— А мне начисляют баллы за сокращение отдачи в часы перегрева зеркал.

Роан Кес уже вывел на стену схему опреснителей Железного Берега.

— Если Мара возьмёт вашу энергию, мои станции потеряют давление на входе. Купола стоят выше по ветке.

— Но ваше задание отдельно? — спросила Тая.

— Разумеется. Я должен увеличить выпуск пресной воды и обойти Купола по эффективности.

В зале стало тихо. Не потому, что участники перестали спорить. Каждый начал искать парную строку: ресурс, который в одном задании назывался доступным, а в другом — зарезервированным, потерянным или обязательным к выдаче.

Тая открыла общий слой ограничений. Там не было ни одной линии между заданиями. Девять прямоугольников, девять наборов исходных данных, девять показателей устойчивости. Физическая Сеть под залом соединяла округа тысячами труб и кабелей. Учебная модель разрезала её по цветным границам.

— Время идёт, — сказал Восс.

— Модель не сойдётся, — ответил Ивен.

— Все модели сходятся при корректном выборе.

— Девять моделей сойдутся отдельно, — сказала Тая. — Общий баланс — нет.

Восс повернулся к ней.

— Это и предстоит проверить.

На панели оставалось двенадцать минут. Тая могла снизить жилое охлаждение, сохранить питьевой резерв и взять половину притока Гряды. Тогда Плато переживало фронт без эвакуации, но два высотных сборщика Эды останавливались позже, чем при полном отборе. Умеренный вред вместо большого. Индикатор прогнозировал Тае семьдесят четыре балла.

Она посмотрела на Эду.

— Если я возьму половину, что у тебя?

— Шестьдесят восемь баллов и риск обледенения верхнего коллектора.

— Если ничего?

— Восемьдесят один. У тебя?

— Пятьдесят семь и подготовка к отселению двух жилых колец.

Именно к этому Тур и сводил разговор. Не к правильному решению, а к тому, чей риск окажется достаточно далёким, чтобы его можно было принять.

— Предложите встречный обмен, — сказал Восс. — Правила разрешают сделки после первого хода.

— После фиксации решений, которые уже создают ущерб, — заметила Лиора.

— Сделка имеет смысл только при наличии исходных позиций.

— Труба уже является исходной позицией, — сказал Роан.

На стенах вокруг них бежали зрительские комментарии. Эфир выбрал самые короткие: «Плато опять просит чужую воду». «Кромка торгует нашим холодом». «Купола заберут энергию первыми». Чем точнее участники описывали связь, тем быстрее подписи превращали её в обвинение.

Тая активировала право ссылки и назвала в своей панели номера обеих строк — приток Плато и резерв Гряды.

— Прошу объединить их для расчёта, — сказала она.

Система ответила: **ОБЪЕДИНЕНИЕ ЗАДАНИЙ НЕ ПРЕДУСМОТРЕНО.**

— Тогда покажите общий расход после девяти решений.

ОБЩЕСЕТЕВОЙ ИТОГ ФОРМИРУЕТСЯ ПОСЛЕ ФИКСАЦИИ.

— То есть мы можем увидеть противоречие только после того, как примем решения.

— Вы увидите последствия, — сказал Восс. — Это важная часть обучения.

— Последствия чего? Того, что каждый сделал лучший ход, не видя общей доски?

Восс не повысил голос.

— Того, что у каждого округа есть законное право защищать своих жителей. От вас не требуют забыть о доме ради красивой схемы взаимопомощи.

Мара коснулась браслета с фотографией.

— Мои одиннадцать дней — не схема.

— И мои два жилых кольца тоже, — сказала Тая.

— Тогда решайте.

На таймере оставалось семь минут.

Они вернулись к столам. Тая выбрала половину притока Гряды, минимальный питьевой резерв и отказалась от пылеподавления на внешнем кольце. Пыль испортит фильтры и увеличит расход через неделю, зато сейчас никто не попадёт в список отселения. Перед фиксацией она добавила примечание с номером линии Эды и прогнозом остановки сборщиков.

Система удалила примечание: **ПОЛЕ НЕ ОТНОСИТСЯ К УСТОЙЧИВОСТИ ВЫБРАННОГО ОКРУГА.**

Тая внесла его в публичную ссылку. Там запись сохранилась, но рядом появилась жёлтая отметка редакторской задержки.

Причина: **ДАННЫЕ ДРУГОГО УЧАСТНИКА.**

Она повернулась к аппаратной стене.

— Села, вы это видите?

Ответ пришёл не сразу.

— Вижу. Запрашиваю снятие задержки.

— По моему договору причина должна быть связана с безопасностью инфраструктуры.

— Я уже отправила номер пункта.

Таймер дошёл до нуля.

Девять решений зафиксировались. Столы погасли, и на центральном полу возникла общая карта. Сначала округа окрашивались по одному. Плато получило семьдесят четыре балла. Гряда — шестьдесят восемь. Зерновая Дуга сохранила семенной фонд. Северная Кромка продала холод и поднялась на второе место. Купола запустили дополнительный опреснитель. Железный Берег увеличил забор на своей ветке.

Каждый отдельный прямоугольник светился зелёным.

Потом система соединила их.

По карте побежали красные линии. Восточный воздушный канал перегрузился. Два сборщика Гряды остановились. Из-за падения давления Плато недополучило треть обещанного притока и всё равно потеряло пылеподавление. Холод, проданный Кромкой, дошёл до Дуги,

но стабилизация канала забрала больше расчётного, потому что Лесной Пояс одновременно запросил охлаждение питомников. Опреснитель Куполов запустился первым и снизил давление на Железном Берегу; насосы Роана взяли больше энергии, компенсируя падение, и зеркала Солнечных Полей превысили температурный предел.

На общей шкале возникло число: МИНУС 19 ЕДИНИЦ УСТОЙЧИВОСТИ СЕТИ.

На девяти столах при этом остались положительные результаты.

Харн перестал улыбаться.

— Мы все выиграли свои задачи.

— Учебный разбор завершён, — объявил служебный голос.

— Нет, — сказала Лиора. — Он только начался.

Села сняла задержку с Таинной ссылки. На стене появились рядом две строки: «приток Плато» и «резерв Гряды». Потом Ивен добавил продажу холода и фактическую цену стабилизации. Роан — давление на общей ветке. Участники выкладывали номера, и отдельные обвинения в зрительской ленте начали сменяться вопросами.

Тая открыла журнал изменений модели. За два часа до их приезда строку «межокружные зависимости» перенесли из обязательных ограничений в раздел последствий. Изменение подписал учебный контур Тура; имя человека отсутствовало.

— Почему это сделали сегодня? — спросила она.

Восс подошёл к её столу. Теперь между ними не было тёмной полосы: общий разбор погасил разметку залов.

— Потому что вы должны увидеть конфликт в том виде, в каком его видят Советы округов, — сказал он.

— Советы получают девять зелёных отчётов и один красный, который появляется потом?

— Советы получают возможность сравнить свои решения.

— После ущерба.

— В учебном контуре ущерб обратим.

— А в Туре?

Восс посмотрел на центральную карту. Красные линии медленно гасли, возвращаясь к исходному состоянию.

— В Туре решения вводятся ступенчато. Сеть успевает компенсировать большую часть расхождений.

— Большую часть, — повторил Ивен.

— Абсолютно безопасного распределения не существует. Вы приехали сюда не отменять цену, а решать, кто и когда способен её выдержать.

В его словах не было злорадства. Он говорил как инженер, который слишком много раз видел, что запаса не хватает всем. Именно поэтому спорить с ним было труднее.

Тая указала на девять зелёных чисел.

— Тогда хотя бы не называйте это девятью решениями. Это одно решение, разрезанное так, чтобы каждый отвечал только за свою выгоду.

— Завтра вы получите первое зачётное задание. Там связи будут сложнее, а право выбора — реальным. Пользуйтесь доступом, который вы потребовали.

Он сделал шаг к выходу, но Тая остановила его:

— Я потребовала ещё перечень исключённых категорий.

— Вводный разбор завершён. Доступ должен быть открыт.

На её панели исчезло предупреждение. Пятый пункт приложения развернулся.

В перечне было семь категорий: потери округления, аварийный сброс, несертифицированные накопители, переходный резерв, исключённые территории, нерегистрируемый расход, отложенный климатический ущерб. Напротив каждой стоял допуск. Только две открывались полностью.

Тая коснулась «исключённых территорий».

ДОСТУПНО В РАМКАХ ЗАДАНИЯ.

— Вы снова отложили доступ, — сказала она.

— Нет. Теперь вы знаете перечень. Объекты внутри категории раскрываются, когда затронуты заданием и не угрожают безопасности Сети.

— Завтрашнее задание затронет?

Восс взглянул на Селину камеру, затем на Таю.

— Любое распределение что-нибудь исключает.

Он вышел.

Эфир завершился, но участники не расходились. Мара первой перенесла стул от своего стола к центральной карте. Напольный сигнал попытался предупредить о выходе из зоны решения, обнаружил, что режим окончен, и умолк.

— Я не отдам опреснение, — сказала она. — Чтобы никто не решил, будто этот разбор сделал нас друзьями.

— Я не прошу отдавать, — ответил Роан. — Я хочу видеть ваш забор до запуска своих насосов.

— А я хочу видеть, сколько энергии вы оба обещаете, — добавил Белл.

Ивен принёс свой стул последним.

— Девять панелей нам не объединят, — сказал он. — Но номера строк мы можем сверять сами.

— До задания? — спросила Лиора.

— До фиксации.

— Это не запрещено? — Харн поднял глаза к потолку.

Села ответила из динамика:

— Правила запрещают передавать доступ и копировать защищённые данные. Разговаривать участникам пока не запретили.

— «Пока» было лишним, — заметила Тая.

— Зато точным.

Они создали общий список без значений: только номера линий, время обновления и участник, у которого видна другая сторона потока. Для притока Плато Тая записала Эду. Для холода Дуги — Ивена и Харна. Для энергии Куполов — Белла и Роана. Получилась не карта округов, а карта зависимостей.

В ней оставалось пустое место.

Тая вернулась к перечню категорий и добавила серую строку без номера: «исключённые территории и нерегистрируемый расход». Ни один из восьми участников не увидел её в своём задании.

— Может, это служебный резерв, — сказала Мара.

— Резерв имеет источник, — ответил Ивен.

— Или получателя, — тихо добавила Лиора.

За прозрачной стеной Галереи в нижнем кольце Узла двигались одинаковые серые трубы. Девять цветных линий существовали только на экранах. Тая смотрела, как они проходят через одну стену, и думала о точке за границей карты, которую система показала на секунду в Плато.

Завтра Тур предложит ей выиграть что-то для дома. Теперь она знала: прежде чем выбирать, нужно найти того, у кого этот ресурс уже называли потерей.

Холод для чужого сада

Первое зачётное задание началось не с сигнала, а с запаха.

В Галерею принесли капсулу из семенного хранилища Зерновой Дуги. Когда прозрачная крышка открылась, воздух пахнул влажной землёй — так сильно, что Тая на мгновение увидела не столы, а огород матери до введения летних запретов. В капсуле лежали двадцать тёмных зёрен. Одно уже треснуло от тепла.

— Демонстрационный образец, — объявила Села из аппаратной. — Основная партия остаётся в хранилище.

Лиора Венн провела пальцем над трещиной, не касаясь зерна.

— Основная партия греется так же.

На центральной карте вспыхнула задача: за сорок минут участники должны были провести холод от накопителей Северной Кромки к семенному фонду Дуги. Баллы начислялись за сохранённые партии, скорость и минимальный ущерб собственному округу. Победитель получал водный коэффициент для следующего тура.

Тая ожидала, что задачу дадут Ивену или Лиоре. Но система назвала её.

ОПЕРАТОР РАСПРЕДЕЛЕНИЯ: ТАЯ РЕНН, СУХОЕ ПЛАТО.

Подпись под её именем появилась сразу: **СМОЖЕТ ЛИ ГЕРОИНЯ ЗАСУХИ СПАСТИ ЧУЖОЙ УРОЖАЙ?**

— Почему я? — спросила Тая.

— Независимый оператор снижает конфликт владельцев, — ответил Восс.

— У меня водный коэффициент в качестве приза. Я не независима.

— Поэтому зритель понимает ставку.

На её панели открылась схема. Северная Кромка могла отдать сто десять единиц холода. Дуге требовалось восемьдесят. Передача съедала двенадцать, ещё восемнадцать уходили на стабилизацию канала. Баланс выглядел ровным — слишком ровным.

Тая раскрыла исходные показания. Температура глубинного хранилища Ивена после полной отдачи поднималась до предела, но не пересекала его. У Дуги после получения оставался запас в три единицы. Все зелёные цифры.

— Где сбрасывается тепло? — спросила она.

Система выделила контур отвода, уходивший от холодильной машины на юг. Конечная точка была серой.

ЗОНА РАССЕИВАНИЯ 0-Ю. ДОПУСТИМАЯ НАГРУЗКА: 34. РАСЧЁТНАЯ: 31.

— Чей это сектор?

— Не относится к зарегистрированным округам, — ответил служебный голос.

— Название категории.

После короткой паузы панель показала: **ИСКЛЮЧЁННАЯ ТЕРРИТОРИЯ.**

В общем списке зависимостей серая строка наконец получила номер.

Ивен смотрел на свою панель.

— При тридцати одной единице отвод пройдёт. Канал старый, но запас есть.

— Откуда берётся допустимая нагрузка тридцать четыре?

— Из паспорта рассеивателя.

Тая открыла паспорт. Последнее обследование провели девять лет назад. Последнюю поправку внесли три месяца назад: допустимую нагрузку подняли с двадцати семи до тридцати четырёх. Основание — «снижение учитываемой плотности проживания».

— Учитываемой, — прочитала Лиора.

— Не фактической, — сказал Ивен.

Восс стоял у центральной карты.

- Ваша задача — сохранить семенной фонд. Зона имеет действующий допуск.
- Кто его подтвердил? — спросила Тая.
- Центральная служба балансов.
- По датчикам или по числу зарегистрированных людей?
- У вас тридцать семь минут.

Лиора повернула к Тае капсулу. В углу крышки собирался конденсат, но внутри температура продолжала расти.

— Через час начнут теряться ранние сорта, — сказала она. — Не эти двадцать зёрен. Двенадцать тысяч контейнеров. Их ждут Дуга, Пояс, Сады и часть Плато.

— Я знаю.

— Тогда не превращай нас в доказательство своей правоты.

Фраза ударила точнее, чем обвинение. Тая пришла в Тур ради людей, которых можно было выселить через несколько недель. У Лиоры цена измерялась следующим сезоном, но от этого не становилась меньше.

Она смоделировала передачу с ограничением сброса до двадцати семи. До Дуги доходило шестьдесят две единицы. Семь партий из двадцати уходили в красную зону.

— Можно охладить по приоритету, — предложила Тая. — Сначала самые уязвимые.

— Тогда погибнут поздние сорта, — ответила Лиора. — Их меньше, но только они выдерживают засоление в Высоких Садах.

Тир Осен молча разломил принесённый вчера сморщенный плод. Внутри почти не было мякоти.

— Без поздних сортов мы потеряем верхние террасы, — сказал он.

Ивен вывел кривую накопителя.

— Можно отдать больше холода и снизить нагрузку на рассеиватель, если растянуть передачу на шесть часов.

— Партии не выдержат шесть часов, — сказала Лиора.

Тая перебирала контуры. У Солнечных Полей был тепловой накопитель, но Белл уже направлял его на вечернюю стабилизацию зеркал. У Железного Берега — морской сброс, однако доставка тепла туда потребляла больше энергии, чем имелось в задании. Лесной Пояс мог принять часть тепла в почвенные камеры, но Харн показал предупреждение: корни молодых деревьев уже находились у верхнего предела.

Все связи существовали. Ни одна не отменяла цену.

На экране появился первый зрительский опрос: «Спасти семена сейчас» набирало восемьдесят шесть процентов. Второй вариант назывался «Ждать полной проверки и рисковать урожаем». Варианта «показать людей в зоне сброса» не было.

— Дайте слой фактической плотности, — потребовала Тая.

— Запрошенные сведения отсутствуют в реестре Тура, — ответила система.

— Датчики нагрузки?

На сером секторе нашлись три температурных поста. Первый не передавал данные одиннадцать месяцев. Второй показывал норму. Третий выдавал ровно одно и то же значение каждые десять минут.

— Замороженное значение, — сказал Ивен. — Не температура. Последний принятый пакет повторяется как текущий.

Тая запросила журнал. После повышения допустимой нагрузки аварийные оповещения из зоны 0-Ю перестали участвовать в расчёте: категория была исключена из обслуживаемых территорий.

— Там есть инфраструктура, — сказала она. — Иначе не было бы постов.

— Инфраструктура может оставаться после вывода поселения, — возразил Восс.

— А может остаться поселение после вывода из реестра.

До обязательного решения оставалось двадцать четыре минуты.

Села открыла прямой вопрос из зрительского потока. На стене появилась строка: «Кто живёт в нулевом южном?» Она продержалась две секунды и исчезла под сообщениями о семенах.

Лиора закрыла глаза, затем сказала:

— Если ты остановишь передачу, я назову в эфире, какие партии мы потеряли. Без лозунгов. По номерам.

— Если запущу, я назову, куда ушло тепло.

— Если узнаешь.

Тая посмотрела на треснувшее зерно. Справедливого хода панель не предлагала. Но отказ тоже направлял ущерб — только к людям, которых карта умела называть.

— Запускаю восемьдесят единиц, — сказала она. — Сброс в зону 0-Ю ограничить двадцатью семью. Остаток принять в буфер Кромки и растянуть после прохождения критической партии.

Ивен быстро пересчитал.

— Буфер перегреется через девяносто минут.

— Через семьдесят мы сможем снизить поток.

— Если Дуга примет холод без задержки.

— Примет, — сказала Лиора.

Система оценила решение: семнадцать партий сохранялись полностью, три поздние получали риск повреждения. Прогноз победы — сорок три процента.

— Полная передача сохраняет все партии, — напомнил Восс.

— И опирается на датчик, который не измеряет температуру.

— Допуск остаётся действующим.

— Тогда я беру на себя недостаток холода. Вы возьмёте на себя тридцать первую единицу тепла в месте, которое не можете показать?

Восс не ответил. Камеры приблизили его лицо, ожидая конфликта. Он перевёл взгляд на расчёт.

— Ваше решение допустимо.

Тая почти зафиксировала его, когда на панели открылось дополнительное условие: водный коэффициент Плато присуждался только при сохранении не менее девятнадцати партий.

Вот зачем оператором выбрали её.

Лиора увидела условие на своей панели.

— Бери полный поток.

— Нет.

— Плато нужен дождь, нам нужны семена. Сейчас наши интересы совпали.

— А интерес 0-Ю просто не загрузили.

— Я не знаю, есть ли там люди. Я знаю, что мои есть.

Тая увеличила модель. Чтобы сохранить девятнадцать партий, нужно было добавить девять единиц холода. Тепловой сброс вырос до двадцати девяти — на две выше старого предела, но на пять ниже нового. Недостоверность оставалась, однако запас уже не был полностью бумажным.

— Восемьдесят девять единиц холода, — решила она. — Двадцать девять тепла в 0-Ю. И непрерывная публикация трёх температурных постов, включая отметку повторённого пакета. При превышении старого предела ещё на две единицы передача останавливается независимо от результата.

— Ты потеряешь двадцатую партию, — сказала Лиора.

— Знаю.

— И часть коэффициента.

— Но не весь.

На этот раз система приняла примечание. Села вывела номера датчиков в эфир до того, как редакторский фильтр успел поставить задержку.

Передача началась. По центральной карте голубая линия пошла от Кромки к Дуге, а оранжевая — в серое пространство ниже границы девяти округов. Зрители видели спасённые партии крупными зелёными значками. Серый сектор оставался без масштаба.

На девятнадцатой минуте температура второго поста поднялась до двадцати восьми. Третий продолжал повторять прежнее значение. Первый молчал.

На двадцать шестой минуте Дуга подтвердила сохранение девятнадцатой партии. Водный коэффициент Плато загорелся рядом с именем Таи. Зал наполнился звуком дождя — тем же искусственным шумом, которым сопровождали её победу в отборе.

Лиора не улыбнулась. Она смотрела на номер двадцатого контейнера. Поздний солестойкий сорт перешёл в красную зону.

— Высокие Сады получают меньше семян, — сказала она в камеру. — Это цена решения. Не прячьте её за девятнадцать зелёными значками.

Тир кивнул.

Тая открыла публичный баланс сброса.

— Двадцать девять единиц тепла ушли в зону 0-Ю, которую Палата относит к исключённым территориям. Один датчик там не работает, другой повторяет старые данные. Это тоже цена решения.

Система начислила ей победу. Под именем появилась новая подпись: ТАЯ РЕНН СПАСАЕТ УРОЖАЙ ЧЕТЫРЁХ ОКРУГОВ.

— Села, уберите «спасает».

— Предложите замену.

— «Направила тепло в место без данных».

Подпись погасла. Новая не появилась.

После эфира Восс задержал Таю у карты.

— Вы нашли компромисс и получили ресурс для Плато. Тур работает именно так.

— Тур показал мою победу крупнее, чем двадцатую партию и серый сектор.

— Масштаб последствий различен.

— Тогда дайте масштаб 0-Ю.

— Запрос отправлен службе реестров.

— Когда ответят?

— Когда проверят право раскрытия.

Он ушёл, оставив на её панели официальный результат. Тая развернула журнал температурных постов и нашла неприметную служебную строку. Через сорок секунд после окончания эфира молчавший первый датчик передал один пакет.

Температура в зоне 0-Ю составляла тридцать семь единиц.

Пакет тут же получил статус «источник не зарегистрирован» и был исключён из итогового баланса.

Тая успела сохранить номер строки. Само значение исчезло.

Люди за серой границей

Номер строки Тая переписала на внутреннюю сторону запястья. Чернила растеклись от пота, но цифры ещё читались: 0-Ю, пост один, пакет 4187, тридцать семь единиц.

Наутро в служебном журнале пакета не было.

Она проверила не поиском, а соседними номерами. После 4186 сразу шёл 4188. Система не оставила пустой строки, предупреждения об отзыве или подписи оператора. Только время между пакетами увеличилось на четыре секунды.

— Ты опять не спала, — сказала Села.

Редактор открытого канала сидела в аппаратной за стеклом. Перед ней мерцали три версии вчерашнего эфира: полная, сокращённая и та, которую отправили в утренние повторы. В последней не было вопроса Таи о жителях 0-Ю, номера датчиков показывали меньше секунды, а повреждённый контейнер Дуги исчезал сразу после объявления победы.

— Спала, — ответила Тая. — Между удалением пакета и монтажом цены.

Села поморщилась, но не стала защищаться.

— В архиве есть запись твоего экрана. Я поставила на неё служебное удержание до конца Тура.

— Можно получить копию?

— Нет. Удержание сохраняет материал от автоматической очистки, но не даёт тебе права выносить его из контура.

— А вам?

— Даёт право проиграть спор о том, зачем я его сохранила.

На центральной площадке уже собирали декорацию для разбора первого задания. Серую область карты сделали уже, чем вчера. Теперь она выглядела не территорией, а полем за рамкой.

Тая приложила ладонь к стеклу аппаратной.

— Села, пакет пришёл после сброса. Тридцать семь при старом пределе двадцать семь.

— Я видела.

— Это авария.

— Это показание без зарегистрированного источника. Так ответит Палата.

— Датчик был зарегистрирован, пока не показал лишнее.

— Тогда докажи время, место и связь со сбросом. Не только число.

Села сказала это тихо, без камеры. Тая кивнула. В диспетчерской Плато одного числа тоже было мало: неисправный датчик мог поднять тревогу, но перекрывать из-за него общий контур разрешалось лишь после сверки с соседним постом или материальным признаком. Пар, падение давления, изменение цвета солевого налёта — мир должен был подтвердить прибор.

У дверей аппаратной загорелся жёлтый индикатор доставки. В Галерею вошёл худой человек в серой куртке курьера. На груди у него висела пустая рамка пропуска. Он толкал герметичный ящик на узких колёсах и не смотрел на камеры.

Охрана остановила его у разметки.

— Доставка для участницы Ренн, — сказал курьер.

— Участники не получают личных отправлений.

— Это ответ на публичный запрос данных.

Тая вышла из аппаратной.

— Я не отправляла адресного запроса.

Курьер впервые посмотрел на неё. Он был немногим старше Таи, с обветренным лицом и светлой полосой на лбу, будто раньше носил защитную повязку.

— Вы назвали в эфире сектор и номер поста. В Дельте это считается адресом.

Слово прозвучало настолько обыкновенно, что Тая не сразу поняла его значение.

— Дельта где?

— За вашей серой границей.

Охранник коснулся панели вызова. Курьер поднял обе руки.

— Я привёз только снимки и одну пластину фильтра. Всё прошло досмотр внешнего узла.

— Ваше имя? — спросила Тая.

— Нол Аден. Курьер насосной линии.

Панель охраны не нашла такого округа. Красная надпись сообщила: **ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ НЕ ПОДТВЕРЖДЕНА.**

— Поэтому пустая рамка? — спросила Тая.

— Поэтому я могу привезти груз в Центральный узел, но не могу войти как человек, который его привёз.

Дежурный потребовал оставить ящик и уйти. Нол упёрся ладонью в крышку.

— На снимках дети с ожогами. Я не отдам их тем, кто вчера удалил температуру.

Слово «дети» включило камеры быстрее тревоги. Над площадкой повернулись два объектива. Села выругалась за стеклом и открыла прямой канал: если съёмка уже началась, невидимость становилась опаснее показа.

Эльмар Восс появился с боковой лестницы. Он был без пиджака, с закатанными рукавами, словно его вызвали от настоящей работы.

— Господин Аден, — произнёс он, прочитав имя с экрана охраны. — Передайте материалы службе проверки. Если они относятся к заданию, участники получат заключение.

— Заключение без снимков?

— Снимки пострадавших требуют защиты частной жизни.

— Их лица закрыты.

— Тем более проверка не сможет установить личности публично.

Нол посмотрел на Таю.

— Вы вчера потребовали непрерывные данные. Посмотрите, что прервали.

Восс не запрещал. Он просто ждал, пока любое действие Таи станет нарушением процедуры. Тая увидела это и всё равно переступила разметку.

— Откройте ящик на досмотровом столе.

Внутри лежали восемь отпечатанных фотографий, тонкая металлическая пластина и запаянный пакет с серой пылью. На первом снимке была рука от запястья до локтя: кожа покраснела и покрылась продолговатыми пузырями. На втором женщина держала над тазом ступни ребёнка; лица обоих скрывала белая полоса. Дальше шли крыши под мутным паром, мокрая площадка насосной станции, люди у трубы аварийного охлаждения.

На обороте каждой фотографии стояло время, написанное от руки.

— Это можно написать сегодня на снимке десятилетней давности, — сказала Тая.

Нол резко втянул воздух.

— Вы думаете, я вру?

— Я думаю, эфир назовёт вас лжецом через минуту. Помогите мне не спорить словами.

Он сдержался и указал на металлическую пластину.

— Фильтр с первого температурного поста. Его меняют после каждого аварийного выброса.

Тая не коснулась пластины. По краям металл посинел, в сетке спеклась серая пыль.

— Кто снял?

— Дежурная Дара Сой.

— Есть журнал замены?

— В нашей копии. Центральная запись не принимает подписи из исключённой территории.

— Значит, для эфира её не существует.

— Для ожога подпись не нужна.

— Для ожога нет. Для доказательства, откуда пришло тепло, нужна.

Нол наклонился к столу.

— Вчера в шестнадцать сорок семь температура в отстойном канале поднялась на девять единиц. В шестнадцать пятьдесят три сработала заслонка, которую Палата считает разобранной. Через двадцать минут привели первых обожжённых. Вы назвали в эфире двадцать девять единиц сброса. Чего вам ещё не хватает?

Тая разложила фотографии в порядке времени. На двух были видны часы насосной станции. На одних стрелка стояла у семнадцати десяти, на других — у семнадцати двадцати. Но стрелки могли не работать. Она искала то, что нельзя было легко подписать задним числом.

— Почему ожоги такие? Тридцать семь единиц воздуха не обжигают кожу.

— Это не воздух. Сброс нагревает отстойный канал. Мы охлаждаем через него насосы и моемся той же водой, когда пресный резерв закрыт. Вчера вода закипела не до кипения — до боли.

Он говорил неровно, короткими связками, будто прокладывал маршрут между известными препятствиями.

— Почему люди не увидели пар?

— Пар был над верхним выпуском. Внизу вода пришла прозрачной. Датчик у купальни сняли два сезона назад.

Тая взяла прозрачный зажим и повернула первую фотографию под светом. В углу кадра на трубе белела свежая полоса. На четвёртом снимке та же полоса уходила ниже уровня воды.

— Это солевой след?

— Да.

— Уровень поднялся после сброса?

— На ладонь. Мы открыли запасную заслонку, чтобы разбавить канал.

На снимке с крышами Тая заметила знакомую последовательность огней на горизонте: три янтарных, один погасший, ещё два янтарных. Она вызвала публичную запись своей вчерашней карты. На краю серой зоны после запуска тоже мигали шесть отметок давления — три сигнала, разрыв, два сигнала. Их показывали всего несколько секунд.

— Эти огни связаны с насосами?

— С приводами второй линии.

— Последовательность всегда такая?

— Нет. Пятый привод остановился вчера утром. До этого горели все.

Тая положила рядом два изображения. Погасшая точка совпадала по положению с разрывом в телеметрии. Это доказывало, что фотографию сделали после остановки привода, но не обязательно после теплового сброса.

— Что изменилось ровно в момент передачи холода?

Нол перебрал снимки и вытащил тот, где женщина держала ноги ребёнка над тазом.

— Сиреневый налёт.

На воде действительно плавала тонкая цветная плёнка.

— Что это?

— Метка аварийного теплоносителя Кромки. Его красят, чтобы искать утечки.

Ивен, услышав название своего округа, подошёл к столу. Он долго смотрел на снимок, затем на фильтр.

— У нас не сиреневый краситель, — сказал он.

Нол побледнел от злости.

— Я его каждый сезон смываю с решёток.

— Он синий, — продолжил Ивен. — Сиреневым становится после контакта с солями медного фильтра. Такие фильтры сняли на Кромке семь лет назад.

Восс чуть повёл плечом. Камеры уловили только первую часть ответа, и над эфиром уже появилась справка: ЦВЕТ МЕТКИ НЕ СООТВЕТСТВУЕТ ДЕЙСТВУЮЩЕМУ СТАНДАРТУ.

— В Дельте их не сняли, — сказал Нол. — Нам отдают старые кассеты.

— Это можно проверить, — вмешалась Тая. — По серийным номерам поставки.

Нол перевернул металлическую пластину. На кромке был выбит номер. Ивен прочитал его и нахмурился.

— Кассета нашей старой серии. Последняя официальная партия ушла на утилизацию.

— Куда?

Он запросил открытый реестр. Ответ пришёл быстро: ПЕРЕДАЧА ВНЕ БАЛАНСОВОГО КОНТУРА. ПОЛУЧАТЕЛЬ НЕ ПОДЛЕЖИТ УЧЁТУ.

Тая почувствовала, как вокруг стола изменился воздух. До этой строки Нол мог быть человеком с чужими фотографиями. Теперь у него в руках лежала вещь, которую официальный округ отправил в официальное никуда.

Села увеличила номер фильтра в прямом канале.

На экране сразу возникло предупреждение: МАТЕРИАЛЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ. ДАТА СЪЁМКИ НЕ УСТАНОВЛЕНА. Через несколько секунд формулировка изменилась: ИЗОБРАЖЕНИЯ МОГУТ ОТНОСИТЬСЯ К АВАРИИ ПРОШЛЫХ ЛЕТ.

— На каком основании? — спросила Тая.

Восс ответил раньше служебного голоса:

— На основании старого стандарта красителя и отсутствия подтверждённой временной подписи.

— Старый фильтр использовали вчера.

— Так утверждает незарегистрированный курьер.

— Номер кассеты подтверждён реестром Кромки.

— Он подтверждает происхождение предмета, а не время съёмки.

Тая показала огни приводов и вчерашние отметки давления. Система признала совпадение конфигурации, но добавила: ПЕРИОД ВОЗМОЖНОГО СООТВЕТСТВИЯ — ДО 14 МЕСЯЦЕВ. Она показала свежую солевую полосу. Система назвала её «неидентифицированным визуальным признаком». Она запросила журнал остановки пятого привода — и получила отказ: объект находился вне обслуживаемой территории.

Каждая деталь подтверждала другую, но центральный контур не позволял последней детали стать фактом.

— Вы построили проверку так, — сказала Тая, — что место без регистрации не может доказать дату, потому что его часы, датчики и дежурные заранее объявлены недействительными.

— Проверка защищает эфир от манипуляций, — ответил Восс. — Если мы примем любую фотографию с рукописной датой, Тур станет заложником постановок.

— А сейчас он заложник реестра.

— Реестр можно исправить. Ожог нельзя показывать как следствие задания до установления причины.

Его осторожность была настоящей. Тая видела: он не хотел ложного обвинения так же, как не хотел признания Дельты. Именно поэтому спорить с ним было труднее, чем с человеком, которому всё безразлично.

— Тогда не называйте съёмку старой, — сказала она. — Назовите дату непроверенной.

Над эфиром продолжала висеть фраза о прошлых годах.

Села выключила справку вручную. Через мгновение та появилась снова с подписью Центральной службы подтверждения.

— У меня нет права снять её второй раз, — сказала Села в общий звук.

Нол собрал фотографии.

— Вы получили что хотели. Теперь нас назовут архивной страшилкой.

— Оставьте фильтр, — попросила Тая.

— Чтобы его потеряли вместе с пакетом 4187?

Она вздрогнула: номер пакета она не называла.

— Откуда вы знаете?

— Он стоял на нашем приёмнике. Четыре секунды, пока Центральный узел не отозвал подтверждение. Дара записала номер на корпусе поста.

Нол показал последний снимок. На металлическом шкафу чёрной краской были выведены цифры 4187. Рядом висела бумажная лента самописца; линия резко поднималась у отметки времени. В кадр попадал край сегодняшнего транспортного допуска Нола с датой. Допуск мог подтвердить только день доставки, не день снимка, но бумажная лента была ещё закреплена под пломбой. Чтобы подменить её, пришлось бы вскрыть корпус.

— Пломба чья? — спросила Тая.

— Центральной службы. Они опечатывают посты, даже когда не признают показания.

Восс подошёл ближе. На пломбе читались три знака и номер выездной бригады.

— Дайте изображение службе, — сказал он.

— Оригинал останется у меня, — ответил Нол.

— Тогда заключение будет ограниченным.

— Оно и так ограничено границей, которую вы нарисовали.

Тая попросила Селу вывести крупно номер пломбы, номер кассеты и пакет 4187 одновременно. Села собрала три окна. Служебная система попыталась закрыть среднее из-за персональных данных бригады; Тая заслонила часть номера пальцем, оставив код службы и последние цифры.

— Я не утверждаю, что эти ожоги вызваны вчерашним заданием, — сказала она в камеру. — Я утверждаю три проверяемые вещи. Фильтр Кромки оказался в зоне, которой нет в балансе. Пост этой зоны передал пакет 4187 с температурой тридцать семь после нашего сброса. Центральная пломба стоит на самописце, чью запись служба отказывается учитывать. Любой из этих фактов можно опровергнуть журналом поставки, журналом приёма или журналом выездной бригады. Покажите хотя бы один полностью.

На зрительской панели росли не голоса поддержки, а запросы. Люди копировали три номера. В отличие от фотографии, номер нельзя было назвать слишком эмоциональным.

Восс посмотрел на поток и сказал:

— Полный журнал содержит защищённые маршруты инфраструктуры.

— Тогда покажите строки до и после, закройте маршрут, оставьте время и статус подписи.

— Это решение принимает служба безопасности Сети.

— Пусть отказ тоже останется в эфире.

Села закрепила его ответ. Через десять секунд эфир ушёл на обязательную паузу. Центральный экран заполнил спокойный вид облачных башен, а голос ведущего сообщил, что показанные изображения, вероятно, относятся к давней аварии в выведенной из эксплуатации зоне.

Нол рассмеялся без веселья.

— Вот и дата. Они нашли её быстрее нас.

Он убрал фотографии в ящик, но фильтр оставил на столе.

— Почему передумали? — спросила Тая.

— Потому что номер уже увидели. Если фильтр исчезнет, останется вопрос, куда он исчез.

— Кто пострадал?

— Девять человек пришли на насосную. Трёх отправили дальше по воде, до старой санитарной станции. У мальчика на снимке ожоги ступней. Его зовут Ру, ему десять.

Тая не записала имя. Не потому, что не поверила, а потому, что мальчик не должен был становиться ещё одной подписью без своего согласия.

— Что вам нужно сейчас?

— Охлаждение канала. Перевязочный материал. И чтобы следующий сброс не назвали пустым последствием.

— Я не могу распределять ресурсы вне задания.

— Я знаю. Поэтому вы здесь, а мы снаружи.

Он взялся за ручку ящика.

— Нол, — остановила его Тая. — Как с вами связаться?

— Никак. Курьеры Дельты приходят, когда в ваших балансах появляется то, что у нас уже случилось.

Охрана вывела его тем же путём. Камеры не последовали за дверью.

В перерыве Ивен подтвердил, что номер кассеты принадлежал партии из двухсот старых фильтров. Получатель в его архиве был закрыт, но масса груза совпадала с доставкой на южную ветку. Села сохранила три номера отдельно, чтобы удаление одного не уничтожило связь. Тая направила официальный запрос на экстренное охлаждение отстойного канала 0-Ю.

Ответ пришёл до конца паузы: **ОБЪЕКТ НЕ СОСТОИТ НА РЕСУРСНОМ ОБСЛУЖИВАНИИ. ЗАЯВКА НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПОСТАВЛЕНА В ОЧЕРЕДЬ.**

Она отправила второй запрос — не на объект, а на предотвращение перегрузки действующего температурного поста Центральной службы. Система приняла его и присвоила номер.

— Это уловка, — заметил Восс.

— Это ваш датчик.

— Он не создаёт обязательства обслуживать всю территорию вокруг.

— Но создаёт обязанность не расплавить собственный прибор.

Восс прочитал номер заявки.

— Вы быстро учитесь пользоваться несовершенством правил.

— Пока правила пользуются несовершенством карты.

Пауза закончилась. На экране снова появилась Тая — победительница, спасающая урожай четырёх округов. Под её изображением мелкой строкой шло уточнение: **СЛУЖБА НЕ ПОДТВЕРЖДАЕТ СВЯЗЬ ПРЕДСТАВЛЕННЫХ АРХИВНЫХ ФОТОГРАФИЙ С ЗАДАНИЕМ.**

Тая не могла доказать причинность полностью. Она могла доказать, что проверку остановили именно там, где начиналась Дельта.

На своей панели она открыла итог вчерашнего задания и добавила к строке победы три номера: кассеты, пломбы и исчезнувшего пакета. Система разрешила примечание — оно не содержало закрытых данных и не утверждало непроверенной причины.

Через минуту зрители начали повторять их вместо её имени.

Глава 6. Куратор дефицита

Заявку на защиту датчика приняли в работу в восемнадцать сорок две. В восемнадцать сорок три Тая увидела, как её номер исчез из открытой панели.

Она обновила страницу. На месте строки возникло пояснение: **МАРШРУТ ВЫЕЗДНОЙ БРИГАДЫ ЗАКРЫТ ДО ЗАВЕРШЕНИЯ РАБОТ.**

— Хотя бы не отклонили, — сказала Села, собирая со стола камеры.

— Хотя бы спрятали другим способом.

Села хотела ответить, но в проходе появился помощник Восса. Он не подошёл к Тае, только положил на край её стола серую карточку без печати.

Архив потерь. Уровень минус два. Сейчас.

— Это приглашение? — спросила Тая.

— Куратор не рассылает приглашений, которые можно показать в эфире, — сказала Села.

До следующего включения оставалось сорок минут. Тая переслала Каю номер заявки и попросила проверить, появится ли на южной ветке ремонтная бригада. Потом убрала карточку в карман и пошла за помощником.

На уровне минус два не было прозрачных стен. Коридор сужался между бетонными рёбрами Центрального узла, воздух пах холодным металлом и пылью старых носителей. В конце стояла дверь с механическим колесом. Восс ждал у неё без пиджака, в рубашке с закатанными рукавами. Так он меньше походил на куратора Тура и больше — на инженера, который слишком давно не выходил со смены.

— Телефон и браслет останутся здесь, — сказал он.

— Тогда всё, что вы покажете, нельзя будет проверить.

— Можно. После разговора получите номера открытых дел. Не получите имён погибших и схем уязвимых узлов.

— Почему мне?

— Потому что вы умеете отличать отсутствие доказательства от доказательства отсутствия. Сегодня это редкое качество.

Тая сняла браслет. Восс запер оба устройства в металлическом ящике и повернул колесо двери.

За ней лежал не архив документов, а старый диспетчерский зал. Девять тёмных пультов стояли полукругом вокруг карты Сети. На карте было не девять округов, а двадцать семь зон, соединённых тонкими линиями. Некоторые линии обрывались на выцветших красных отметках.

— До Тура, — сказал Восс. — Двенадцать лет назад.

Он включил первый пульт. Над картой появилась дата и запись переговоров. Голоса шли без изображения.

«Северная ветка удерживает холод до подтверждения водного пропуска».

«Водный пропуск не будет подтверждён, пока вы не вернёте накопители».

«Накопители наши».

«Тогда урожай тоже ваш. Забирайте его мёртвым».

Восс остановил запись.

— Кромка заморозила выдачу холода Зерновой Дуге. Дуга перекрыла транзит воды к двум северным посёлкам. Через шесть суток стороны подписали обмен.

— Значит, договорились.

Он вывел таблицу. За шестью сутками стояли числа: три повреждённых хранилища, сорок одна тысяча тонн потерянного зерна, две остановленные станции очистки, сто восемьдесят четыре смерти сверх сезонного уровня.

— Договорились после того, как каждая сторона доказала, что способна причинить другой достаточно боли.

Следующая запись была короче. Прибрежные Купола требовали от Железного Берега снизить забор энергии во время шторма. Берег отказался, опасаясь остановки насосов. Купола отключили волноломы на одном участке, чтобы сохранить свои накопители. Шторм разрушил грузовую линию, по которой им через месяц должны были привезти мембраны для опреснения.

— Они уничтожили собственную поставку, — сказала Тая.

— Не знали полной цепочки. А когда узнали, решили, что Берег подменил схему задним числом.

— Потому что данные принадлежали сторонам спора.

— Именно.

Восс включал дело за делом. Не сводки, а исходные переговоры, журналы приводов, решения дежурных. Люди в них не были ни безумцами, ни злодеями. Каждый видел одну угрозу близко и чужую — через задержанный канал. Каждый боялся уступить первым, потому что уступка не обязывала соседа сделать то же самое.

На пятом деле Тая перестала искать подвох в отдельных цифрах. Он был в самой последовательности. Сначала округ публиковал данные, доказывая свою нужду. Другой находил в них слабое место и перекрывал связанный ресурс. После этого открытость становилась способом выбрать цель.

— Поэтому вы спрятали связи, — сказала она.

— Поэтому мы перестали выдавать их одновременно всем.

— И называли это соревнованием.

— Не сразу.

Он поднял свет над центральным столом. На его поверхности лежала бумажная карта, протёртая на сгибах. Девять крупных цветных областей накрывали множество мелких зон. Границы шли не по руслам и линиям передачи, а поперёк них.

— Сначала была Палата взаимных обязательств. Каждый округ получал голос за подтверждённую поставку другому. Через три месяца они научились гонять одну и ту же воду по кольцу и накапливать голоса. Потом ввели независимый инженерный арбитраж. Арбитров начали похищать. Мы пробовали общий открытый баланс. Он превратил каждую ремонтную остановку в повод для упреждающего отключения.

— А Тур?

— Тур отнял у округов право самим перекрывать магистраль. Взамен они получили понятный способ спорить за долю и публичное доказательство, что проигрыш определён одной процедурой для всех.

— Для девяти.

Восс не поправил её.

Он вызвал другую таблицу. В первый сезон Тура число самовольных отключений упало с шестидесяти двух до семи. Во второй — до двух. Потери воды на взаимных блокировках сократились почти вдвое. Караваны ремонтников снова начали пересекать границы без вооружённого сопровождения.

Тая провела пальцем по столбцам. Они не доказывали справедливость Тура. Но доказывали, что до него люди платили не только за дефицит.

— Почему это не показывают в эфире?

— Показывают. В начале каждого сезона.

— Трёхминутным роликом с восстановленными башнями.

— Если дать полный архив, участники станут торговать мёртвыми в каждом споре.
— А если не дать, вы можете оправдать ими любое правило.
— Поэтому дела имеют номера. Вы сможете проверить итоги.
— Итоги без того, кто принял решение.
— Имена не изменят устройство ошибки.
— Иногда изменяют. Если один и тот же человек сначала исключил зону из обслуживания, а потом сослался на отсутствие её показаний.

Восс погасил пульты. Красные обрывы остались светиться на карте.

— Вы хотите, чтобы я признал Дельту округом на основании фильтра и фотографий.
— Я хочу, чтобы вы признали её зоной последствий на основании вашего датчика.
— Датчик подтверждает перегрузку поста. Не число жителей, не происхождение ожогов и не законность поселений.

— Для тепла законность поселений не имеет значения.

— Для распределения имеет. Если завтра за каждой серой отметкой появятся десять тысяч людей, которых невозможно проверить, девять округов потеряют гарантии за один пересчёт.

— Они не появятся завтра. Они уже там.

— Вы этого не знаете.

— Тогда посчитайте.

Он опёрся ладонями о край стола.

— Считать — значит послать бригаду, обеспечить ей проход, проверить реестр семей, инфраструктуру, фактическое потребление и происхождение поселения. Пока проверка идёт, сведения меняют поведение всей Сети. Округа начинают запасать ресурс против будущего пересмотра. Один неверный сигнал создаёт настоящий дефицит.

— Поэтому удобнее считать ноль.

— Поэтому временно считают только то, за что существует ответственная сторона.

Тая посмотрела на красные отметки. Некоторые были старыми авариями. Некоторые — границами, возле которых никто не захотел отвечать за продолжение линии.

— Кто отвечает за Дельту?

— Никто в контуре Тура.

— Значит, её ноль не временный.

Восс выпрямился. На секунду в его лице появилось не раздражение, а усталость человека, которому назвали давно известную неисправность и потребовали устранить её без остановки системы.

— Я позвал вас не для спора о статусе Дельты.

— Тогда зачем?

Он открыл нижний ящик стола и достал тонкую папку. На первой странице стояло имя Таи. Под ним — варианты подписи к завтрашнему эфиру.

ТАЯ РЕНН: ЧЕСТНЫЕ ДАННЫЕ — ЧЕСТНАЯ ПОБЕДА.

СОПЕРНИЧЕСТВО, КОТОРОМУ МОЖНО ДОВЕРЯТЬ.

ПОБЕДИТЕЛЬНИЦА, ОТКРЫВАЮЩА СЧЁТ.

Она пролистала папку. Там был план: доступ участников к полным межокружным последствиям до принятия решения; публикация журнала поправок; независимый разбор спорных датчиков после эфира; право каждого участника один раз потребовать раскрытия исходной строки. Рядом с каждым пунктом стояла дата внедрения.

— Это мои требования на отборе.

— Часть из них.

— Вы предлагаете мне объявить, что Тур исправился.

— Предлагаю добиться исправлений, которые можно ввести сейчас. Вы получите необрезанный доступ к данным девяти округов и станете публичным гарантом нового протокола. Если Палата скроет строку, вы сможете сказать об этом в эфире.

— А строку Дельты?

— Исключённые источники будут отмечены суммарным влиянием, когда связь подтверждена зарегистрированным прибором.

— Суммарным влиянием. Без людей, объектов и права оспорить расчёт.

— Пока они не пройдут отдельную процедуру признания.

— Которую кто-то должен начать.

— Совет территории, к которой они относятся.

— Ни один совет не признаёт, что передал старые фильтры людям вне своего баланса.

Иначе придётся признать их расход.

Восс закрыл папку, но не забрал её.

— Вы можете стать причиной, по которой участники снова поверят данным.

— Или лицом таблицы, где серую строку сделали чуть подробнее.

— Люди Плато получают преимущество от прозрачных правил. Вам всё равно придётся выигрывать для них. Разница в том, будете ли вы делать это внутри процедуры, которую способны улучшить, или снаружи, где каждое ваше сомнение используют против самой возможности общего решения.

Это был не подкуп. Он не предлагал Тае воду, место для Нэя или лёгкие баллы. Он предлагал работу, в которой она действительно могла быть полезна. После увиденного архива отказ от всякой процедуры казался не смелостью, а забывчивостью.

— Я согласна открыть межокружные последствия до решения, — сказала она. — И журнал поправок. Без моего имени на лозунгах.

— Публичный гарант без публичного лица не существует.

— Тогда покажите девять лиц.

— Девять участников не скажут одно и то же.

— В этом и будет гарантия.

Восс чуть улыбнулся.

— Зритель не доверяет хору оговорок.

— Зато одному лицу доверяет слишком быстро.

Она придвинула папку к нему.

— И добавьте правило: если зарегистрированный прибор показывает последствие в исключённой зоне, строка остаётся видимой до завершения проверки. С номером заявки и сроком ответа.

— Это позволит привязать к одному прибору неподтверждённые заявления.

— Нет. Только последствие, которое прибор измерил. Не ожоги, не число жителей, не причину. Вы сами учили меня разделять их.

Он молчал дольше, чем позволял эфирный ритм.

— До конца сезона, — сказал наконец Восс. — В порядке испытания. Без автоматического влияния на распределение.

— С видимым сроком проверки.

— Семьдесят два часа.

— Двадцать четыре для угрозы людям и инфраструктуре.

— Угроза людям там не подтверждена.

— Угроза вашему датчику подтверждена. Поэтому вы приняли заявку.

Восс посмотрел на неё почти с одобрением, и это было неприятнее раздражения.

— Сорок восемь часов. Формулировку подготовят юристы Палаты.

— Формулировку покажут участникам до эфира.

— Вам.

— Всем девяти. Иначе я не гарант, а новый закрытый канал.

Он взял папку.

— Хорошо. Всем девяти.

Тая не протянула руку. Согласие существовало только в комнате без устройств и пока не стоило ничего.

У выхода Восс вернул ей браслет и лист с номерами пяти архивных дел. На обороте он написал код проекта нового протокола.

— Вы действительно верите, что честная конкуренция возможна? — спросила Тая.

— Нет, — ответил он. — Я верю, что конкуренцию можно сделать менее разрушительной, чем войну.

— А я должна назвать это честностью?

— Вы должны решить, какое слово заставит людей соблюдать результат, когда он им невыгоден.

Дверь закрылась между ними.

В коридоре браслет поймал сообщения. Кай прислал короткое видео с южной ветки: ремонтный транспорт прошёл пост Плато и свернул к серой зоне. Номер на борту совпадал с заявкой Таи. Следом пришло системное уведомление о новом протоколе раскрытия последствий. Черновик уже содержал её имя в поле ИНИЦИАТОР.

Тая открыла приложение к документу. Девять округов были перечислены отдельно. Ниже появилась новая строка:

ИСКЛЮЧЁННЫЕ ЗОНЫ: ПОДТВЕРЖДЁННОЕ СУММАРНОЕ ВЛИЯНИЕ.

Строка больше не была пустой. В ней стояло двадцать девять единиц тепла и номер принятой заявки.

Рядом с графой ответственной стороны по-прежнему значилось: **НЕ ПРЕДУСМОТРЕНО.**

Тая сохранила черновик и отправила его остальным участникам до того, как вернулась в зал. Восс доказал ей, зачем Сети нужен общий судья. Но судья всё ещё собирался выслушивать только тех, чьи имена заранее внесли в список сторон.

Задача без проигравшего

Вторая задача началась не с обратного отсчёта, а с двух сигналов тревоги.

На карте Сети одновременно пожелтели водная ветка Сухого Плато и холодовый накопитель Северной Кромки. Между ними лежали семьсот километров, три округа и ни одной прямой трубы. Но на экране обе аварии соединила белая скоба.

СВЯЗАННОЕ РЕШЕНИЕ. ДВА УЧАСТНИКА. ОДИН РЕЗУЛЬТАТ.

Тая увидела имя Ивена рядом со своим прежде, чем служебный голос произнёс его вслух.

— Сухое Плато превысило суточный забор из западного русла, — объявил голос. — Северная Кромка не восстановила обязательный холодовый резерв. В течение пятидесяти минут участники должны устранить оба отклонения без снижения межокружных гарантий.

Над столами поднялись прозрачные перегородки. Остальные семь участников исчезли за матовым стеклом. Камеры, наоборот, приблизились: одна зависла над руками Таи, вторая поймала лицо Ивена.

На нижнем краю экрана появилась ставка.

НАГРАДА: 14 РЕЙТИНГОВЫХ ЕДИНИЦ. ПРАВО ПЕРВОГО ВЫБОРА В СЛЕДУЮЩЕМ РЕСУРСНОМ ОКНЕ.

Тая открыла исходные строки. Плато действительно брало больше воды. Ночью западные башни должны были снизить конденсацию на восемь процентов, но сухой фронт пришёл раньше прогноза. Автоматика удержала давление в жилой ветке и забрала недостающее из русла. Перерасход — сто сорок кубов. Если вернуть их сейчас, две верхние линии останутся без промывки до утра.

На одной из них стояла башня №6.

Кай оставил в журнале короткую пометку: **ВОСТОЧНЫЙ КОНТУР НЕ ОТКРЫВАТЬ. ВЗВЕСЬ ПОСЛЕ ШКВАЛА.**

— У тебя не авария, — сказал Ивен. Он уже смотрел её строки через новый протокол. — У тебя долг, который станет аварией, если заставить вернуть его сразу.

— А у тебя?

Он развернул свой баланс. Глубинное хранилище Кромки отдало холод семенному фонду Дуги и ещё не восстановило нижний слой. По правилам округ был обязан держать резерв на случай остановки северных медицинских складов. До нормы не хватало девяноста двух единиц.

— У меня гарантия, которой нельзя воспользоваться, не разрушив её, — сказал Ивен.

Тая увеличила схему. Холод в резерве считался доступным, только пока температура глубинного слоя оставалась ниже порога. Если Кромка быстро закачает недостающее, компрессоры потребуют дополнительную энергию. Её возьмут с северной насосной дуги. Давление в западном русле упадёт, и Плато придётся вернуть не сто сорок кубов, а почти двести.

Если же Плато продолжит забор, насосная дуга не даст Кромке восстановить резерв до контрольного часа.

— Кто составлял условие? — спросила Тая.

— Сеть, — ответил Восс из-за прозрачной стены.

Она нашла журнал генерации. Условие собрали из текущих отклонений автоматически, но критерий успеха подписал комитет Тура: оба показателя должны стать зелёными до конца эфирного окна.

— Сеть не назначала пятьдесят минут.

— Зрителю нужен завершённый результат.

— Хранилищу тоже, — сказал Ивен. — Только ему нужен результат через девять часов.

На его панели всплыло сообщение совета Кромки. Ивен прочёл, не открывая его в общий слой.

— Что там? — спросила Тая.

— Совет напоминает, что медицинский резерв является обязательством перед пятью округами.

— Это правда?

— Да.

— Тогда открой.

Он посмотрел на неё.

— Ты открыла свой журнал?

Тая вывела пометку Кая и список верхних линий. Рядом с каждой стояли жилые сектора и время последней промывки. В строке башни №6 система показывала две тысячи триста потребителей. Под ней мелким шрифтом — Нэй Ренн, семейная привязка участницы. Связь добавили для эфира, не для расчёта.

— Уберите имя, — сказала Тая.

— Семейная ставка помогает зрителю понять выбор, — ответила Села.

— Тогда покажите все две тысячи триста имён.

Имя исчезло. Число осталось.

Ивен открыл сообщение совета. Под сухой формулировкой обнаружился перечень: инсулиновое хранилище Прибрежных Куполов, банк крови Железного Берега, два противоболю-рабочих склада Дуги, северный резерв вакцин Плато. У каждого был договорный минимум холода. Если глубоинный слой Кромки не восстановится, договоры формально сохранятся, но выполнить их одновременно будет невозможно.

— Наш склад тоже здесь, — сказала Тая.

— Поэтому я не могу просто отдать тебе давление.

— А я не могу вернуть воду и назвать это выполнением твоей гарантии. Через сутки ты будешь обязан охлаждать лекарства для людей, которым сегодня отключили промывку.

Обратный отсчёт показывал сорок две минуты.

Система предложила первый стандартный ход: Плато немедленно сокращает забор, Кромка включает все компрессоры. Оба показателя становились зелёными за тридцать восемь минут. В последствиях краснели верхние линии Плато: риск засорения — высокий, ожидаемый срок восстановления — двое суток.

Второй ход оставлял воду Плато. Кромка покупала холод у Прибрежных Куполов, расходуя аварийный кредит. Резерв восстанавливался, но Купола теряли запас для опреснителей в следующем приливном окне.

— Выбирайте, — сказал Восс. — Для этого вы здесь.

Тая свернула оба предложения.

— Мы здесь, чтобы устранить два отклонения.

— Без снижения гарантий, — напомнил Ивен.

Он не спорил с ней. Он ставил на стол третье условие, которое нельзя было заболтать.

Тая открыла профиль западного русла за последние сутки. Давление падало неравномерно. Каждые двадцать минут возникал короткий подъём, слишком правильный для погоды.

— Что запускается на Кромке по двадцатиминутному циклу?

Ивен перенёс к ней журнал компрессоров. Ничего. Тогда он проверил насосную дугу и нашёл тестовый прогон резервного привода: три минуты работы, семнадцать минут ожидания. После каждого прогона западное русло получало лишние восемь кубов.

— Испытание после ремонта, — сказал он. — Его нельзя отменить. Без приёмки привод не считается резервным.

— А можно изменить нагрузку?

— Минимум семьдесят процентов.

— Куда уходит вода во время теста?

Схема показала обратный сброс в накопительный бассейн Кромки. Вода возвращалась в ту же ветку, но ниже развилки Плато.

Тая провела пальцем по линии от сброса к старому межокружному каналу. Канал был закрыт после просадки грунта, однако его верхняя половина оставалась целой и соединялась с буфером холодового хранилища.

— Если тестовый поток не сбрасывать обратно, а провести через рубашку хранилища?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.